

Коллекционер

Автор:

Дмитрий Казаков

Коллекционер

Дмитрий Львович Казаков

Пограничье #6

Такую коллекцию – ни продать, ни показать. «Собирая» визиты в причудливые реальности, проводник добрался до Центрума, где обнаружил секретный лагерь цадской инквизиции. Готовящихся в нем проповедников учат обращаться не только с молитвенником, но и с автоматом и взрывчаткой...

Взбалмошная красотка с таинственной биографией, агенты спецслужб, пограничники, одержимые жаждой власти церковники, да еще и стоящие за ними чужаки из неведомо какого мира... Не слишком ли много для простого коллекционера?

Дмитрий Казаков

Коллекционер

© С. Лукьяненко, 2013

© Д. Казаков, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Глава 1

В электричке было немногочленно. Утром пятницы, как и в любой будний день, жители Подмосковья стремились в столицу, продавать время, здоровье и силы акулам капитализма. Олег же ехал в обратном направлении, на Зеленоград и далее на северо-запад, и к зарабатыванию денег его поездка отношения не имела.

Хотя кое-кто счел бы ее пусть необычным, но все-таки бизнесом...

Соседи по вагону – две небритые похмельные личности и усталая девушка – поглядывали на Олега без интереса. Внешность непримечательная, одет так, что всякому ясно – решил мужик воспользоваться хорошей для конца сентября погодой и смотаться в лес за грибами; да вон и рюкзак на лавке стоит.

Ну а то, что в рюкзаке, постороннему глазу не видно.

Сошел Олег на платформе «Головково» и зашагал прямо на юг, в ту сторону, где меж полей и лесов петляет Истра. До нужного холма, поросшего стройными березами, добрался примерно через час и для начала прошелся по окрестностям, убедился, что вокруг никого нет. Не хватало еще столкнуться с настоящим грибником или охотником...

Но лес над Истрой был пустынен и тих, никто не хрустел валежником, не шуршал в кустах, лишь беспечно щебетали на ветвях птицы, да ветер равнодушно шелестел листвой. Значит, можно братья за дело.

Для начала Олег снял ветровку – там, куда он собрался, она не пригодится.

Тщательно обыскал рюкзак, вытащил непонятно как попавшую в один из карманов гарнитуру от телефона – ее тоже придется оставить, иначе через несколько часов от полезного гаджета останутся лишь воспоминания.

Сунул вещи в пластиковый мешок и спрятал под одной из берез, в похожем на маленький погреб схроне. Приладил сверху аккуратно вырезанный кусок дерна, чтобы щелей не осталось, присыпал сухой листвой, да еще и пару веток бросил.

Олег много лет пользовался этим холмом, а точнее, участком земли на его южном склоне, и давно устроил тут все так, как надо.

– Пора в путь, – сказал он, доставая из рюкзака снаряженный и готовый к стрельбе АКСУ.

Вслед за автоматом в руке появилась бутылка водки – пару глотков отхлебнуть, еще несколько уйдет на то, чтобы прополоскать рот, брызнуть на отворот рубашки цвета хаки, дабы запах был настоящий, мощный. Процедура странная, но в его случае необходимая.

Полную на две трети бутылку Олег закрыл и поставил наземь – если кто найдет, то невелика беда, а если, вернувшись, хозяин обнаружит «пузырь» на месте, то тем лучше, пригодится для следующего раза.

После чего ударил себя кулаком в солнечное сплетение так, что едва не задохнулся от боли. Дыхание вылетело из груди, перед глазами поплыли радужные круги, а когда немного проморгался, то один, самый большой, едва не два метра в диаметре, никуда не делся, так и остался висеть над землей.

Не дожидаясь, когда боль в солнечном сплетении утихнет, Олег шагнул в него. Ощутил сопротивление, словно продавливался через густую грязь, а потом стало жарко. Зной лег на плечи раскаленной бетонной плитой, хлестнувшие по лицу лучи солнца вынудили зажмуриться.

Заросший березами холм сгинул бесследно, до горизонта протянулась выжженная равнина, покрытая сухой травой. Кое-где виднелись островки кустарника, далеко на западе темнело пятнышко леса, сверху нависало блеклое, словно выгоревшее небо, совсем не то что над Москвой или Нью-Йорком. «Дырка», привязанная к холму над Истрой, выбросила Олега туда, куда обычно.

Если пойти в том направлении, куда он стоял лицом, вскоре начнутся лишенные жителей Пустоши, за которыми лежит республика Клондал, если развернуться

и двинуться на юго-запад, то окажешься в пределах королевства Цад и вскоре доберешься до его столицы, именуемой Лирмором... А все это вместе называется Центрумом.

Когда боль ушла и вновь смог нормально дышать, Олег достал из рюкзака панаму, некогда купленную в Лаосе, – если не прикрыть голову, то через час ее напечет так, что забудешь, где ты находишься и зачем тут очутился.

После чего прикинул, где точно оказался, и зашагал в ту сторону, где над равниной висело белесое жгучее солнце. Опустить или тем более убрать АКСУ и не подумал – из Пустошей в эти места иногда забредают такие твари, рядом с которыми лев или белый медведь покажется ласковым котенком.

Ну и люди в Центруме разные встречаются, так же, как и на Земле.

Первого местного жителя встретил даже скорее, чем ожидал, – не прошло и двух часов, как на южном горизонте появилась точка, слишком подвижная для того, чтобы быть очередной группой деревьев. Вскоре стало ясно, что это человек и что шагает он навстречу. Ну что же, так даже лучше...

Олег остановился и стал ждать, не пытаясь спрятаться и тем более убежать, – скорее всего это один из тех, с кем сегодня он сам ищет встречи, и суетиться нет смысла...

Человек приблизился, обозначилась шляпа с широкими полями, настоящее сомбреро, и под ней узкое лицо, украшенное орлиным носом и пышными усами.

– ?Hola, Manuel! ?Que pasa?[1 - Привет, Мануэль! Как дела? (исп.)] – воскликнул Олег, опуская автомат.

– ?Hola, gringo! Muy buen, – отозвался усач, обнажая в улыбке белоснежные зубы. – ?Estas tu de nuevo? ?! otra vez estas borracho?[2 - Привет, гринго. Очень хорошо. Это снова ты? И опять пьяный? (исп.)]

– А как же? – отозвался Олег все на том же языке. – Трезвому мне сюда дороги нет. Рад тебя видеть, Мануэль. Какие новости?

С выходцами из испаноязычных стран только так – нельзя сразу переходить к делу, для начала нужно обменяться сплетнями, вспомнить друзей и знакомых, иначе в тебе начнут видеть скучного торопыгу, ну и относиться будут соответственно, без души, без интереса.

– Все наши здоровы, слава святому Христофору, – ответил усач, подходя вплотную, и они обменялись рукопожатиями. – Игорь и Карл недавно контрабандиста поймали...

И в пять минут он вывалил на собеседника кучу информации, начиная с последних слухов о постельных похождениях младшей дочери короля и заканчивая бахвальским рассказом о собственных подвигах... о том, как явилось с Пустошей чудовище, похожее на помесь танка со скорпионом, и как пало в бою один на один, залив окрестности дымящимся ядом.

Мануэль был по происхождению мексиканцем, а по нынешнему месту работы – поручиком корпуса Пограничной стражи Цада. Служил он на заставе, что располагалась километрах в десяти к востоку и в отличие от большинства других могла похвастаться интернациональным коллективом.

Командовал там вовсе местный уроженец, и между собой общались пограничники по-цадски. Этот язык Олег тоже знал, но прекрасно понимал, что собеседнику приятно вспомнить родную речь.

– Что ты такое пьешь? – возмутился Мануэль, подойдя вплотную и уловив аромат дешевой водки. – Отвратительно, клянусь святым Франциском! Давай, покажи руку и рюкзак снимай...

Хоть он и болтун, и хвастун, и разгильдяй на вид, а обязанности свои знает.

Олег продемонстрировал правое запястье, где красовалась вытатуированная окружность – знак того, что он законопослушный негодяй, товар из мира в мир носит, но лишь тот, какой дозволено, и платит налоги Пограничной страже.

– Вот не пойму я тебя, гринго, – продолжал Мануэль, заглядывая в рюкзак. – Таскаешься ты туда-сюда, продаешь какую-то мелочевку, но ведь не торгош ты, видно... Половину, а то и больше нам отдаешь, нет? Какой с этого навар? Да ведь никакого!

Олег пожал плечами – открывать цель своих визитов в Центр он не собирался ни сейчас, ни когда-либо еще, ни развеселому пограничнику-мексиканцу, ни другому человеку.

– Может быть, ты что-то такое носишь, чего мы не можем найти, нет? – Мануэль выпрямился, огладил усы, в черных, навывкате, глазах его появился хищный блеск. – Запрещенное?

– Ага, рюкзаки, – согласился Олег. – Можешь отвести меня на заставу, обыскать. Запросто.

– Да ведь искали, и не раз, и даже в кишки тебе заглянули, но ничего не нашли, – махнул рукой усач. – И сейчас то же самое выйдет, не будь я Мануэль Пеллегрини, нет? Доставай бабло, декларацию заполнять будем...

Пусть вокруг другой мир, но бюрократия есть везде, и в Пограничной страже тоже.

Из рук в руки перешло несколько цадских золотых с изображением царствующего монарха, толстого и важного, в короне с восемью зубцами, что означают Восемь Добродетелей. На документе в трех листах и двух копиях появились закорючки-подписи, и Мануэль вытер со лба честный трудовой пот.

– Ну что же, иди, и пусть дорога будет точно мягкий ковер под твоими ногами, – сказал он, используя традиционное цадское напутствие. – Вот знаю я тебя... дай подумать!.. Двенадцать лет, с того самого дня, как я сам тут появился... А так и не пойму, кто ты! Удивительно, нет?

Олег пожал плечами, мелькнула мысль, что сам не скажет, кто он такой в точности. Это дома, на Земле, он многим известен как Олег Васильевич Соловьев, кандидат психологических наук, бизнес-тренер с отличной репутацией и хорошей частной практикой, человек одинокий, но успешный...

Здесь, в Центруме, он Олег или Соловей, мелкий торговец, что через «дырки» носит товар из мира в мир, всякую ерунду, мелочь, от книг до инструментов, от специй до редкого алкоголя...

А кто он на самом деле?

Ему самому больше всего нравилось слово «коллекционер», хотя вслух он его никогда не произносил.

– Бывай, Мануэль, – сказал Олег, закинув рюкзак обратно на плечи. – Увидимся. Парням привет.

– А, это обязательно, – и усач подмигнул на прощание.

Пограничник двинулся дальше на запад, в сторону тех мест, где чаще всего появляются гости из других миров. Олег зашагал на юго-восток, и вновь зашелестела под ногами сухая трава, запрыгали из-под самых ботинок зеленовато-серые насекомые, похожие на кузнечиков. Похожие, но все же не такие, как в том же Подмосковье...

Миновал русло пересохшей реки, что в марте, с началом весенних дождей, наполнится водой, а к лету, с новым приходом засухи, вновь обмелеет, станет не более чем большой канавой.

Дальше пошел, используя хорошо знакомые ориентиры.

К железной дороге выбрался, когда начало темнеть. Сначала разглядел насыпь, рубцом вспухшую на плоти степи, блеснули в лучах заходящего солнца положенные на нее рельсы; затем стало видно здание станции, большое, солидное, с колодцем и небольшим садом, окруженное крепким забором, и с дозорной вышкой, где торчит рыльце пулемета.

Пустоши не так далеко, а оттуда могут явиться хищные твари как на двух, так и на четырех ногах...

Зато свое оружие здесь можно и даже нужно спрятать, аккуратно сложить приклад и убрать в рюкзак так, чтобы нигде не торчало. Именно в первую очередь из-за малых размеров и веса Олег и выбрал АКСУ и много лет не пользовался ничем иным.

На станции торговца по прозвищу Соловей тоже знали, но документы все же проверили – кто знает, вдруг именно в этот раз дорогой гость пошел по кривой дорожке, решил заняться контрабандой?

– Все в порядке, – сказал кряжистый железнодорожник, изучив подпись Мануэля. – Ближе к утру состав на Лирмор будет, притормозят и заберут тебя, не сомневайся...

Олег только кивнул в ответ – местные порядки он знал.

Железные дороги – настоящее государство в государстве, та сила, что сохранила в Центруме хоть какой-то порядок и намек на единство после того как этот мир более века назад постигла глобальная катастрофа.

Тогда по непонятной причине начали стремительно разлагаться вещества, по-умному именуемые «высокомолекулярными углеводородами». Прямо в залежах оказалась уничтожена нефть, сгнуло все, изготовленное из местных аналогов пластика.

Последствия можно описать несколькими фразами – падение цивилизации, на тот момент превосходившей по уровню развития земную, одичание целых регионов, и все это усугублялось засухами и землетрясениями.

За прошедшие годы Центрум слегка оправился, но неведомая «болезнь», поразившая мир, никуда не исчезла – бесполезно привозить сюда нефть из Сибири или Персидского залива, и любой предмет из пластмассы, взятый с собой, через несколько часов исчезнет, распадется на водяной пар и углекислоту.

Ночь Олег провел в зале ожидания, в компании двух неразговорчивых фермеров, что тоже собрались в столицу. Ворочался на жесткой лавке, подложив под голову рюкзак, и думал о том, что ждет его впереди... Сначала Лирмор, где можно сбыть принесенный с Земли товар и нужно приобрести кое-что, ну а затем небольшое путешествие на юг от столицы, в дюны на морском побережье.

Что ждет там, он не знал. Пустая трата времени или новый «образец» в коллекцию...

Мимо станции с грохотом неслись литерные поезда, слишком быстрые, чтобы останавливаться, с натужным лязгом проходили товарняки, тяжело нагруженные, из сотни и более вагонов, доносились гудки.

Их состав пришел на самом рассвете, вскоре после того как Олег уснул по-настоящему.

Зевая, он вслед за попутчиками забрался в вагон и еще пару часов подремал сидя. А затем открыл глаза, обнаружил, что они миновали сортировочную станцию и подъезжают к Лирмору, и сонливость точно ветром сдуло.

Сколько ни бывал в этом городе, все равно не уставал им восхищаться.

Из обычного для этих мест «сухого» тумана, что приходит с моря, поднимались купола многочисленных храмов. Они напоминали исполинские воздушные шары, свет солнца, что висело в серой дымке огненным глазом, золотил и серебрил, заливал алым разноцветные стены из гладкого камня.

Вон расположенное около вокзала святилище Двенадцати Воплощений с дюжиной статуй по периметру крыши...

Вон собор Божественных Отпрысков, маленький по сравнению с остальными, но зато возведенный тысячу лет назад...

А вон громада Сердца Мироздания, где службы ведет сам король, он же верховный священник местной церкви...

Затем поезд нырнул в туман, соборы исчезли из виду, и осталось лишь глядеть на несущиеся мимо склады и полустанки, замершие на путях составы, все вполне обычное, как на подъездах к той же Москве.

– Лирмор-Центр, Лирмор-Центр! – объявил прошедший по вагону кондуктор, мощный, осанистый, и осенил себя знаком Священного Ока. – Да будет с вами благодать! Да будет дорога точно мягкий ковер под вашими ногами!

Спустившись на платформу, Олег встряхнулся – пора сбросить оцепенение, что осталось после бессонной ночи, отряхнуть с плеч остатки мыслей и забот,

принадлежащих Земле, другому миру. Его там никто не ждет, никто особенно не побеспокоится, даже если он задержится тут или погибнет.

– Свежий кхруль! Свежий кхруль! – завопил подскочивший торговец, размахивая прутьями с насаженной на них мелкой жареной рыбешкой вроде корюшки. – Из моря! Сегодняшний улов!

– Спасибо, не надо, – отозвался Олег по-цадски с безупречным столичным выговором и пошел к выходу с платформы.

Осталось в стороне здание вокзала, огромное, аляповато украшенное, тоже похожее на храм, и потянулись узкие, забитые народом улицы. Лирмор проснулся, как обычно, пораньше, чтобы молиться и грешить, есть и пить, торговать, воровать и сплетничать, пока не стало слишком жарко.

Ближе к полудню суэта замрет и возобновится лишь вечером.

Вокруг болтали на цадском, но иногда тренированное ухо ловило звуки других языков – тягучие, напевные слова джавальского; скороговорку клондальского, звучащего высокомерно, под стать людям, что на нем говорят; сложные фразы на краймарском, а вон двое темнокожих в тюрбанах, судя по внешности, выходцы с крайнего юга, лопочут на вовсе не знакомом наречии.

Хотя нет, он это уже слышал и знал отдельные слова...

Если и имелся у Олега в этой жизни какой-то особый дар, то этот титул мог получить талант к языкам, причем в широком смысле слова. Да, он знал основные наречия Центрума, мог объясниться на полудюжине земных, но при этом он умел еще и понимать людей, которые вроде бы используют те же слова, что и ты, но вкладывают в них какое-то свое, особое значение.

Сленг люберецких гопников? Нет проблем.

Врачебная тарабарщина? Разберемся...

Арго уличных торговцев Лирмора, местами не похожее на классический цадский... Запросто.

Ему хватало нескольких минут, чтобы понять, как говорит другой, что именно означают для него те или иные группы звуков... и самому начать изъясняться подобным образом в достаточной степени, чтобы быть понятым и сойти за своего.

Несколько раз это умение спасало Олегу жизнь, и возможно благодаря ему он и достиг успеха как бизнес-тренер.

Шагая по утреннему Лирмору, он не просто вслушивался в болтовню горожан, не привыкших говорить тихо. Нет, он собирал информацию, обрывки слухов и сплетен, нелепые рассказы о том, что кто-то видел или слышал, – сведения, добытые таким образом, не раз помогали ему пополнить коллекцию, странную, какую не покажешь даже ближайшим друзьям.

Выпил кружку местного чая в уличной харчевне на углу рядом с церковью Факела Еретиков, принадлежащей местной инквизиции. Миновал еще парочку проулков, таких узких, что и два пешехода тут расходились с трудом, и окунулся в шумную вонь лирморского Большого Рынка.

Занимал он несколько кварталов, покупалось и продавалось здесь все, что можно отыскать в Центруме и прилегающих к нему двенадцати мирах, что обычно именуют «лепестками».

Ряды со сладостями, над которыми вьются пчелы, и тут же лавки с холодным оружием... дары моря самого Цада и изделия механиков Сургана... развал с земными книгами, и около него палатка, где торгуют драгоценными камнями, и мнутя около нее два могучих охранника.

Шныряют мальчишки, оборванные и грязные, бродят собаки, воришки сучат ручонками, на каждом свободном пяточке показывают свое искусство маги, жонглеры и заклинатели змей.

Обоняние Олега вскоре захлебнулось в густой мешанине запахов.

Слух, к счастью, не пострадал, как и умение понимать, что говорят по-аламейски, лорейски или на немецком.

– Ха, опять ты, Соловей! – воскликнул торговец по имени Фарензи, когда Олег забрался к нему под навес. – Видит Священное Око, в последнее время ты зачастил сюда!

Был Фарензи тощ и смугл, как большинство уроженцев Цада, на круглом лице сверкали черные глаза, обычно выражавшие умильное, благостное довольство собой и окружающим миром.

– Еще скажи, что ты этому не рад? – буркнул Олег. – Или мне к Седому пойти?

– Что ты, что ты! – Фарензи испуганно замахал руками. – Этот гад тебя обманет! Говорят совершенно точно, что он богохульник и еретик, и зря инквизиция не взяла его за жирную задницу! Давай, Соловей, показывай, чего принес, и не медли, во имя всех Кругов Возрождения!

Каждый предмет из рюкзака Олега он встречал довольным хмыканьем, улыбался и чуть ли пузыри не пускал, но как дошло до денег, принялся ныть и канючить, жаловаться на тяжелые времена и на то, что только что заплатил десятину и что младшей дочке надо приданое собирать... Расставаться с золотыми, что лежали у него в кошеле, Фарензи страшно не любил.

– Грабитель ты, – пробормотал он, провожая гостя. – Разорил меня как есть!

– Это запросто, – согласился Олег, прекрасно знавший, что торговец еще сегодня к полудню вернет потраченное, а к завтрашнему вечеру продаст все принесенное с Земли с хорошей прибылью.

Когда выходил от Фарензи, зацепился взглядом за невысокого рыжего паренька, что рылся в лотке с лекарствами в склянках... Серая рубаха, мешок за плечами, запыленные сапоги, вроде бы уже видел этого типа сегодня, и если память не подводит, то на вокзале, в тот момент, когда сошел с поезда. Совпадение? Очень может быть... а может быть, и нет.

Олег ходил в Центрм много лет, и до сих пор это не вызывало интереса ни у кого, кроме Пограничной стражи... может быть, коллеги Мануэля решили проверить челнока-землянина, разузнать, чем он на самом деле занят, с кем встречается, не таскает ли с родины что-нибудь запрещенное?

Что же, первым делом нужно выяснить, в самом ли деле это «хвост», а затем при необходимости избавиться от него.

– Не трожь, не купил, – вспомнил Олег любимую присказку и отправился бродить по базару.

По привычке слушал, о чем говорят люди. Болтали о том же, о чем всегда в последнее время, – о распутной младшей дочке монарха, о том, что правитель стал излишне ленив, что высшие иерархи церкви многое решают сами; о том, что на севере набирает силу безбожный Клондал, что Аламея вот-вот нападет на Сурган или наоборот; что в горах на юго-востоке появились шайки разбойников, которых кто-то тайно снабжает оружием и припасами...

И это не считая мелких сплетен о том, что у кого-то сын попал в школу миссионеров, что черная кошка принесла трех щенков, причем белых, что в одном из прибрежных поселков спалили ведьму...

Через полчаса Олег уверился в том, что рыжий – именно «хвост». Тот шел следом как привязанный, маскировался не особенно умело, но и не отставал, делал вид, что интересуется тем или иным товаром, но ничего не покупал, даже продуктов не пробовал.

Откровенно говоря, пограницы могли отыскать более умелого топтуна. Вряд ли его скромная персона имела шансы заинтересовать кого-либо еще. Хотя какая разница – в любом случае от «хвоста» нужно избавиться.

Олег не собирался посвящать посторонних, кем бы они ни были, в детали своего визита в Центрум... То, на что он тратит здесь большую часть времени, – исключительно его и только его дело и ничье больше...

Для начала заглянул в ряд, где торговали разной живностью, и приобрел клетку с сидящим внутри грызуном, сильно похожим на крысу – с голым длинным хвостом, острой мордочкой и умными глазками, но при этом с черными мягкими иглами, растущими в серо-бежевой шерсти. Без этого зверька ему сегодня не обойтись.

Обошел кругом забор вокруг Большой Ямы – арены, где в праздничные дни устраивались бои между людьми или между людьми и животными. Шмыгнул

в один из торговых рядов, бегом одолел половину и свернул в узкий проход между палатками, отпихнул ногой удивленно взвизгнувшую псину.

Выскочил на Святой Пятачок, где, как обычно, вещал с телеги бродячий проповедник.

– Братья мои! – неся над Большим Рынком его мощный голос. – Тьма наступает! Видите ли вы знамения, Книгой Пророков означенные? Война, глад и мор ждут впереди!

Олег обогнул слушавшую проповедника толпу и пристроился к ней сбоку, стал одним из множества, но при этом расположился так, чтобы не пропустить рыжего, если тот явится сюда...

Ну точно, вот он, «хвост», запыхавшийся, с вытаращенными глазами. Теперь главное – не смотреть на него прямо, отвесить челюсть и изобразить на лице легкую придурковатость.

– Только союз под знаменем веры даст нам спасение! – продолжал вопить проповедник, дородный и мощный, в потрепанной рясе цвета вечернего неба, подпоясанной алым кушаком. – Все земли мира должны объединиться под святой властью Цада – и Сурган, и Оннели, и Хеленгар, и Лорея, – отринуть заблуждения еретические, принять истину!

Рыжий покрутил головой, будто потерявшая след охотничья собака, нахмурился и пошел дальше – прочь со Святого Пятачка, в ту сторону, где на сотни метров тянулись Ямы Старьевщиков.

Очень удачно – там можно бродить неделю и не обшарить всех закоулков.

Олег отклеился от толпы и, не слушая призывов покаяться и отдать все деньги матери-церкви, зашагал в противоположном направлении – через забитые женщинами ряды с одеждой и тканями, мимо Старой Бани, над которой поднимался дым, к ближайшему выходу с Большого Рынка.

Можно, в общем, уже и покинуть Лирмор, но есть смысл зайти еще в одно место.

Для начала покрутился по улицам, проверяя, не идет ли следом кто-нибудь еще. Никого не обнаружил и двинулся сквозь толпу в ту сторону, где над соседними зданиями возносилась мрачная и тяжеловесная, лишенная статуй и вообще любых украшений громада храма Восьми Грехов.

Рядом с ней, на площади Восьми, как ее обычно называли, располагалась штаб-квартира корпуса Пограничной стражи Цада. Выглядела она затрапезно, как почти все общественные здания Лирмора, не имеющие отношения к церкви или железной дороге, – стены обшарпанные, штукатурка кое-где отвалилась, решетки на давно не мытых окнах ржавые, дверь нещадно скрипит.

– Привет, Соловей, – удивленно сказал при виде Олега дежурный офицер, перуанец по имени Хулио. – Ты что, никому из наших не попался? Хочешь пошлину заплатить?

Пару раз случалось, что Олега выкидывало из «дырки» в очень необычных местах, он добирался до Лирмора пешком и при этом не встречал никого из погранцов. И тогда как законопослушный торговец шел сюда, на площадь Восьми, и только затем шагал с товаром на Большой Рынок.

Искушение смухлевать, честно говоря, было, но не очень большое.

Во-первых, он ходил в Центрум не для заработка, а во-вторых, один раз ты обманешь, второй, а затем ложь всплывет, как это обычно бывает, и доверие, что строилось десятилетиями, рухнет в один миг.

– Нет, я к Эрику, – ответил Олег.

– А, понятно... – Хулио осклабился, поманил курьера. – Сейчас я его вызову.

Эрик происходил из латышей, служил он в Пограничной страже более двадцати лет и добрался до чина подполковника. Был он для Олега то ли хорошим приятелем, то ли добрым знакомым, по крайней мере они иногда выпивали вместе, болтали о том о сем.

Курьер вернулся через пять минут, а за ним появился Эрик, высокий, белобрысый, с длинными ручищами.

– А, привет, – сказал он с легчайшим прибалтийским акцентом. – Очень вовремя. Как раз собирался перекусить. Пойдем?

Крысу в клетке он, как и Хулио, удостоил лишь одного, не особенно пристального взгляда – оба такое видели, и не раз.

– Запросто, – отозвался Олег, всматриваясь в лицо подполковника.

Если «хвост» за Соловьевым ходит с ведома местной Пограничной службы, то Эрик должен быть в курсе... И это знание так или иначе должно себя проявить – внезапной холодностью, нежеланием общаться с подозрительным типом или, наоборот, преувеличенным радушием.

Но пока все было как обычно. Так что, пограничники тут ни при чем?

Или Олегом непонятно почему заинтересовался таинственный особый отдел, работающий на единый для всего корпуса штаб, что расположен в городке Марине в Краймаре? И уж эти ребята вполне могут не поставить местных коллег в известность о собственных действиях.

Или «хвост» привесил кто-то другой? Но кто и почему?

Эрик если и знал о слежке, то ничем не выдавал осведомленности – они дошли до таверны, где обычно сидели, вытерпели горячие приветствия и объятия хозяина, толстяка Джани, получили пару кувшинов с охлажденным вином и расположились за столиком в уголке.

– Уф, жарковато сегодня, – сказал подполковник, вытирая рукавом пот со лба. – Дома что?

Несмотря на годы жизни в Центруме, домом он продолжал называть Землю.

– Осень. – Олег пожал плечами. – Прохладно, хорошо... Чего у вас нового?

– А, рабочая текучка. – Эрик махнул лапищей, в которой запросто мог удерживать баскетбольный мяч. – Бумаги, отчеты, проверка скоро, а у нас все не оформлено... Ха-ха. Как обычно.

Вино, как всегда у Джани, радовало язык и душу, вскоре принесли запеченных с сыром морских гребешков, и беседа потекла неспешно, закручиваясь вокруг обычных тем – подполковника занимали политические новости с Земли, в первую очередь с территории бывшего СССР, а Олегу было интересно выяснить, что произошло в Цаде с момента его последнего визита.

Пограничная стража знала многое, неведомое простым людям.

Понятно, что по-настоящему секретной информацией Эрик делиться не станет, слишком осторожен, но на серьезные тайны Олег и не претендовал, ему требовались сведения особого рода... те самые, что когда-нибудь в будущем смогут увеличить его коллекцию хотя бы на один пункт.

– А, как интересно, – сказал Эрик, услышав, что на выборах в Латвии победила партия русскоязычных. – Я давно говорил, что так и будет... Ха-ха, вот и получили свое. Придурки-националисты... Национализм – это плохо, интернационализм – хорошо, вот как у нас, в королевстве, будь ты хоть белый, хоть черный, но если ты веришь в Доктрину Цада, то ты свой...

Иногда, примерно раз в год, он выражал желание вернуться на родину, навестить могилы предков, но Олег знал, что это пустая болтовня, что подполковник врос в Цад всеми корнями, привык и к жаре, на которую постоянно жаловался, и к людям, столь не похожим на его сородичей с берегов Балтики.

За гребешками последовало основное блюдо, сегодня они выбрали бараний бок, и к нему еще пара кувшинов вина.

– А, вот так хорошо, – проговорил Эрик, когда они покончили с едой, и похлопал себя по животу. – Ты в этот раз надолго?

– Не трожь, не купил, – сказал Олег, поднимая с лавки клетку с сидевшей внутри «крысой». – Есть у меня тут кое-какие дела на пару дней, а там посмотрим, как пойдет...

На самом деле он точно не знал, когда вернется на Землю – следующий семинар в четверг, а это значит, что он обязан быть дома в среду, чтобы помыться-

побриться, отоспаться и подготовиться.

Но если все пойдет не по лучшему сценарию, то придется открыть «дырку» уже сегодня.

– Ладно-ладно. – Эрик примирительно выставил ручищи перед собой. – Молчу. Знаю, ха-ха, что ты у нас парень законопослушный, но скрытный...

Расстались они у лестницы, ведущей к дверям храма Восьми Грехов.

Так Олегу и не удалось понять, знает приятель о том, что за Соловьевым следят, или нет. Вроде бы подполковник вел себя как обычно, ничего подозрительного или странного не сделал и не сказал. Но ведь скрытность – часть его работы...

Хотя какая разница, откуда взялся «хвост», главное, что его больше нет...

Есть вероятность, что после встречи с Эриком появится новый топтун, но это проверить легче легкого – Олег вскинул руку, и ближайший рикша рванулся к нему, взбивая пыль босыми пятками.

– Куда изволит господин? – спросил он, угодливо кланяясь.

– Для начала к Сердцу Мира. – Соловьев забрался в ярко раскрашенную повозку, пристроил рюкзак и клетку на лавке рядом, а затем слегка подвинул закрепленный на шесте зонтик, чтобы прикрывал от солнца.

Пока ходил по Лирмору, светило поднялось высоко, скоро начнет жарить в полную силу. Тогда жизнь в городе замрет, все попрячутся в тень, на ногах останутся только сумасшедшие «гринго» вроде него самого.

Площадь Восьми исчезла позади, мимо проплыло мощное, раздувшееся от собственной важности, но тоже обветшалое здание Королевского суда, где рассматривали немногочисленные чисто уголовные или имущественные дела, не имеющие отношения к Доктрине Цада.

Вот и Сердце Мира, поднимается над городом поставленным на задницу колоссальным дирижаблем.

– Так, стоп, давай за Серебрянку, – приказал Олег, когда до главного храма всего Центрума осталось меньше квартала.

Рикша ничуть не удивился, развернул надрывно скрипевшую повозку и зашлепал в обратном направлении. Если и появился у торговца по прозвищу Соловей новый «хвост», то сейчас он себя проявит, никуда не денется.

Олег головой старался не вертеть, но внимательно глядел, что творится вокруг.

Но нет, никто из немногочисленных прохожих не решил, что ему срочно нужно в другую сторону. А еще через полчаса улицы совсем опустеют, и тогда слезка, если она есть, окажется точно на ладони.

Центр города остался севернее, потянулись прилегающие к реке кварталы. Открылся вид на расположенный на самом берегу моря, на холме, королевский замок с зубчатыми стенами и могучими башнями, мрачный и нахохлившийся, похожий на старого, раздраженного ворона.

– Куда вам точно, господин? – уточнил рикша, повернув голову.

– К Лягушачьему мосту и на другую сторону, к окраине, – велел Олег.

Наверняка когда-то вода в Серебрянке и вправду отливала серебром, а у моста водились земноводные, давшие ему имя, но сейчас река больше напоминала сточную канаву, и тянуло от нее дерьмом.

Заскрипели под колесами доски настила.

Дальше к югу селилась вовсе голытьба, в темное время тут появляться было рискованно. Да и сейчас рикша вертел головой, и Олег держал руку на рюкзаке, обмотав лямку вокруг запястья, – выскочит из подворотни шустрый юнец лет тринадцати, прихватит твой груз, и ищи его потом в лабиринте полуразвалившихся хибар, похожем на бразильские фавелы.

Ориентирами тут служили церкви, куда меньшие, чем в центре, но по местным меркам просто гигантские.

– Давай вон туда, к Праведникам Чужемирья. – Олег указал на черный, точно закопченный храм, где поклонялись святым, пришедшим в пантеон Центрума из разных «лепестков».

Числились среди них и Будда, и Христос, и даже Мухаммед.

– Приехали, господин, – с облегчением сказал рикша, останавливая повозку, и только после этого вытер со лба честный трудовой пот. – С вас будет серебряная монета...

Олег не пожадничал и отдал две.

За церковью город заканчивался, шла полоса кустарника шириной метров в сто, а за ней – дюны и море. Большая дорога, уходившая в южные провинции королевства и дальше в Джаваль, лежала восточнее.

Продравшись через заросли, Олег достал АКСУ и залег так, чтобы его не было видно. Убедившись, что никто не идет следом, он вытащил из рюкзака деревянную шкатулку размером чуть больше ладони.

Плотно притертая крышка открылась бесшумно. Лежавший внутри прибор напоминал компас, посаженный на ремешок для часов. Круглый корпус цвета красной меди, прозрачная крышка, и под ней остроконечная стрелка и разбросанные по окружности метки, слегка похожие на арабские или на тайские буквы.

Стрелка двинулась по ходу часов, затем ее потянуло обратно, и наконец она замерла, указав на юг.

– Работает, – сказал Олег, и в голосе его прозвучало торжество.

Нет, не зря он нанимал рикшу, вообще не зря он сегодня явился в Центрум – кое-что ждет его впереди, и пока неясно только, опасная для жизни пустышка или «экспонат», достойный места в коллекции.

Будь прибор из шкатулки настоящим компасом, в этом мире он бы оказался совершенно бесполезен. Планета, на широкой груди которой разместились Цад,

Клондал и прочие местные государства, в какой-то момент в прошлом лишилась стабильного магнитного поля.

Что это такое в точности и как именно работает, Олег не знал.

Заполучил он эту штуку при не совсем обычных обстоятельствах около двух лет назад, а затем опытным путем установил, для чего именно она предназначена неведомыми создателями...

Для Соловьева находка оказалась бесценной.

Закрепляя «компас» на запястье, он вспоминал, как именно выяснил, что в дюнах к югу от Лирмора находится кое-что интересное... Сначала подслушал в таверне разговор рыбаков, в котором один клялся другому, что видел, как на берегу на открытом месте исчез человек... Потом обратил внимание на оговорку Эрика, что в этих местах они подстрелили контрабандиста, тащившего что-то уж совсем странное, в «лепестках» не встречающееся...

А это значит, что Олегу есть смысл прогуляться сюда, проверить, не покажет ли что прибор.

– Не трожь, не купил, – сказал он сам себе, но нетерпение уже грызло ребра изнутри, призывало двигаться вперед быстрее, как можно быстрее, забыть об осторожности.

Но нет, не дождетесь...

Неспешно, шаг за шагом, с дюны на дюну, туда, куда указывает черная стрелка с золотым острием, оставив справа блестящее зеркало моря, над которым висит жаркое марево... Держа наготове снятый с предохранителя автомат и посматривая по сторонам, просто так, на всякий случай.

Он прошагал около трех километров, когда наткнулся на следы – здесь не только прошли, причем далеко не один человек, но и проволочили нечто тяжелое, а кроме того, параллельные глубокие рытвины остались не иначе как от колес, причем достаточно больших.

Явились те, кто оставил все это на песке, с востока.

Некоторое время Олег шел рядом с отпечатками, но когда они свернули в сторону, вздохнул с облегчением – еще не хватало, чтобы его кто-то опередил, да еще и такой толпой, и с телегами.

А еще через сотню метров надетый на руку прибор «сошел с ума» – стрелка закрутилась с такой скоростью, что почти исчезла из вида, а размещенные по периметру символы замерцали белым огнем.

Теперь «компас» можно убрать и достать из клетки заскучавшую «крысу»...

Та оказалась ручной, даже не попыталась укусить человека и безропотно позволила привязать на шею тонкую веревку, другой конец которой Олег зажал в руке. Посадил зверька на песок, глубоко вздохнул и точно так же, как вчера, ударил себя в солнечное сплетение.

Боль заставила скрючиться, но «дырка» открылась мигом.

– Давай, разведчик, – сказал он и, взяв «крысу», легонько забросил ее в пылающий радужным огнем круг.

Грызун исчез, уходящая в никуда веревка осталась натянутой.

Теперь нужно досчитать до шестисот и аккуратно вытянуть зверька обратно. Почувствовал легкое сопротивление, и недовольно пищащая «крыса» вывалилась из дырки на песок, задергала хвостом. Что самое главное – она выглядела не простой живой, а довольной жизнью.

Никаких следов удушья, отравления ядовитым газом, ожогов или смертоносного, адского холода, что за несколько минут способен превратить человека в ледышку, ранок от кислоты на лапках или признаков нападения хищника.

По другую сторону «дырки» грызуну было комфортно, а значит, комфортно будет и человеку.

– Ты заслужил свободу, – сказал Олег и одним ударом ножа перерубил веревку.

«Крыса» несколько мгновений сидела не месте, точно не веря собственному счастью. Затем пискнула еще раз и деловито потрусила на восток, туда, где виднелись заросли кустарника.

А Олег оглянулся, проверяя, по-прежнему ли он один, и шагнул вперед.

* * *

Шагнув назад, Олег зацепился за растяжку палатки и едва не шлепнулся на спину.

- Эй, аккуратнее! - воскликнул Санек, а Вика хихикнула.

Она хихикала не переставая весь последний час, по поводу и без, и это раздражало Олега все сильнее... Как и все остальное, честно говоря, и компания одноклассников, еще утром казавшаяся такой классной, и погода, обманчиво солнечная днем и обернувшаяся моросью к вечеру.

И даже болгарское бренди «Сланчев бряг», мерзкое пойло, закупленное исключительно из-за дешевизны. На степуху особенно не зашикуешь, если у тебя нет богатых предков в той же Москве, а откуда им взяться у студентов из общаги?

- Может, тебе полежать? - спросил Колян, отрываясь от гитары, которую он обнимал ласково, точно женщину.

- Да я в порядке... - ответил Олег, с трудом ворочая языком. - Пойду я лучше... Набурлю... Нарублю, в смысле, дров, а то скоро прогорит все...

Даша и Маша зашептались, наклонившись друг к другу, на одинаково хищных, острых их мордочках появились улыбки... ну и плевать, пусть эти интердевочки гребаные сегодня друг друга в спальник затаскивают.

Он подобрал топор и пошел прочь от костра, от палаток, от натянутого над столом полога из полиэтилена. Волосы намокли, забравшиеся под рубаху струйки побежали по спине, под ногами захлюпало, но Олег не обратил на эти

безобразия внимания. Плевать!

Понемногу темнело, и деревья сливались в черную зубчатую стену, в которой сухой ствол не отличишь от живого. Фонарик он забыл, а вернуться – значит признать, что он неудачник, не способный даже дров нарубить.

Ага, вот она, сухая покосившаяся береза... если срубить, то до утра хватит.

В этот самый момент Олега очень не вовремя замучила отрыжка – от отдушки «Сланчева бряга» мутило и щекотало в носу, казалось, что мерзкая жидкость вот-вот пойдет горлом. Но он справился с собой, матюгнулся как следует и замахнулся таким тяжелым и скользким топором.

Первый раз вообще не попал по стволу, но второй удар получился куда лучше.

– Ха! – победоносно воскликнул Олег, но как следует порадоваться не успел, поскольку лезвие соскользнуло с мокрой коры и с хрустом врубилось ниже левого колена. – Т-твою м-мать...

От боли перед глазами сначала потемнело, затем во мраке закружились огненные колеса. Опустить взгляд на собственную ногу, посмотреть, что с ней, он побоялся, так и остался стоять, пялясь перед собой.

А потом и вовсе забыл о том, что конечность пульсирует болью, что она почти наверняка перерублена. Потому что одно из цветастых пятен не пожелало рассеиваться, как прочие, так и осталось висеть радужным, слабо светящимся кругом около двух метров в поперечнике.

– Это еще что за хрень? – спросил Олег, пытаясь экстренно протрезветь.

Как комсомолец он не мог верить в магию или инопланетян, но научный материализм вкупе с прогрессивной социалистической наукой ни о чем подобном не упоминал...

На всякий случай несколько раз закрыл и открыл глаза, но видение и не подумало исчезать. Осторожно ткнул в него топором, но и это ни к чему не привело, даже сопротивления не ощутил.

Оглянулся туда, где остался их лагерь, где вновь загнусавил что-то Колян, подбренькивая себе на гитаре. Ну уж нет, этих уродов он не позовет и труса тоже не сыграет... Он сам, один узнает, что это такое, и только потом всем обязательно расскажет!

И Олег шагнул вперед.

Показалось, что падает в заполненный струями радужного огня колодец, что-то мягко надавило на лицо, на живот. Затем услышал нечто вроде хлопка, по глазам ударил яркий солнечный свет, ощутил такой жар, словно с опушки леса перенесся прямиком в натопленную баню.

– Вот это ничего себе... – пробормотал Олег, оглядываясь.

Утопленные в сырых сумерках березы и сосны Подмосковья сгнули без следа, их место занял серый песок, усыпанный каменюками всех форм и размеров, плоские холмы на горизонте, а еще дальше, над ними, горы, синеющие в вышине остроконечные вершины.

И зной, какого в европейской России не бывает даже в разгар лета.

– А ну стой! Оружие брось! – прозвучавший из-за спины крик заставил вздрогнуть, Олег обернулся.

Увидел еще один пологий холм, и на вершине его стояли двое, в пустынном камуфляже, широкополых шляпах вроде тех, что носят «афганцы», при рюкзаках за спиной... и при автоматах!

Все это напоминало либо очень реалистичный сон, либо последовательный бред!

Но он же не нажрался так, чтобы свалиться и уснуть под дождем, прямо в лесу, да и не может нечто подобное примерещиться от алкоголя, пусть даже изготовленного братьями по соцлагерю неизвестно из каких «виноматериалов»!

– Оружие брось! – с напором повторил один из незнакомцев. – Иначе стреляю!

Только тут Олег вспомнил, что держит топор, и послушно разжал пальцы.

- Э, мужики... - сказал он, облизывая пересохшие губы. - Вы кто такие? Где я?

- Это ты узнаешь, причем очень скоро, - пообещали ему намного спокойнее. - Оставайся, где стоишь, и не рыпайся...

И незнакомцы в камуфляже зашагали к нему, не опуская автоматов.

Один из них оказался молодым, едва старше Олега парнем, второй же годился им обоим в отцы - с седой щетиной, жесткой на вид, точно металлическая щетка, и паутинкой морщин у уголков рта и глаз.

Но оба были обветренные, крепкие и жилистые, двигались мягко и уверенно.

- Запястье покажи, - велел тот, что помладше. - Нет, на правой руке! Так, чисто... Ну и смердит от тебя, братец! - Он сморщил нос.

«Выхлоп» от «Сланчева бряга» наверняка ощущался за дюжину шагов, и Олегу стало стыдно. Зачем его заставили показать запястье, он не сообразил, но приказ выполнил, понимая, что с вооруженными людьми лучше не спорить... вдруг это не бред, и пуля в брюхо окажется самой что ни на есть настоящей, свинцовой и убийственной?

- Ты не спишь и не галлюцинируешь, - заговорил пожилой, и голос у него был под стать внешности - резкий, неприятный, царапающий уши. - Ты просто в другом мире.

- Э?.. - Олег открыл рот, намереваясь спросить «в каком?», но так и остался стоять: мысли из головы испарились, точно капельки воды с разогретой сковородки, выжило лишь безмерное, парализующее изумление. Даже и не вспомнил про боль в ноге, по которой не так давно изо всех сил заехал топором.

- Не в загробном, а в параллельном, - со смешком пояснил тот, что помладше. - Именуется он Центрумом, а та территория, где ты очутился, - Клондальская республика. Мы - офицеры корпуса Пограничной стражи... И на, обвяжи голову, а то напечет еще...

Он вытащил из кармана рюкзака и протянул Олегу косынку, черно-желтую, обтрепанную, выгоревшую. И именно этот банальный жест, обыденная вещь убедили Соловьева, что это происходит на самом деле, что и песок, и холмы, и горы, и двое незнакомцев реальны.

Центрум, Клондальская республика, Пограничная стража...

- Но как я сюда?.. Почему?.. Как мне вернуться домой?.. - Он даже вроде бы немного протрезвел, и тут уж вопросы посыпались, точно деньги из кармана транжиры.

- погоди, не суетись, все по порядку, - осадил Олега старший из пограничников. - Присядь вон на тот булыжник, голову прикрой, водички попей, а мы тебе все понемногу растолкуем. Таких, как ты, умеющих открывать «дырку» из мира в мир, обычно именуют проводниками, и их на нашей родной Земле не так уж и мало...

Глава 2

Небо глубокой синевы, такой яркой, что в первый момент режет глаз, и протянувшаяся через него колоссальная толстая радуга, что с обеих сторон уходит за горизонт... Мягкий сумрак то ли утра, то ли вечера, одна из сторон небосклона подсвечена бледно-желтым заревом.

Под ногами черная плотная почва, утыканная острыми зелеными иглами, свежий ветер пахнет влагой; прохладно, но это только после знойного и сухого Центрума, а так очень даже комфортно.

Обзор с одной стороны закрывает цепь холмов, похожих на огромных черепах, а с другой - лес из изогнутых, навалившихся друг на друга растений, зеленовато-лиловых, с длинными зазубренными листьями. С той стороны доносятся крики, похожие на птичьи, визг и рычание, над кронами беспорядочно мельтешат черные точки.

Олег глубоко вдохнул, затем еще раз, сдерживая ликование.

Есть!

Еще один пункт в тот список, что он вел исключительно в собственной памяти... Новый образец для коллекции, которую никому не покажешь, не опишешь, не продемонстрируешь на выставке!

Ибо экспонатами в ней были миры.

Почти все необычные, странные, порой сводящие с ума чужеродностью, иногда лишенные жизни или способные поддерживать существование дышащего воздухом существа лишь ограниченное время...

Свободное время в мире Центрума Олег тратил на то, чтобы найти пути в такие пространства. Задача осложнялась тем, что если открыть «дырку» в любом, наугад взятом месте, то вернешься в ту точку на родной Земле, откуда явился, и ничего с этим поделаться нельзя.

Ходили слухи об уникамах, абсолютных талантах, что способны прыгнуть откуда угодно куда угодно, но Соловьев в них не верил. Зато он точно знал, что в Центруме есть «неправильные», аномальные участки, откуда открыть «дырку» домой невозможно, как ни старайся, – нет, все у тебя вроде бы получится, и проход появится, вот только по другую сторону его будет не знакомая квартира или холм над Истрой, а нечто неведомое.

Участков таких не так мало, но самое паршивое, что они могут быть совсем маленькими, несколько метров в поперечнике, и на обычный взгляд ничем не отличаются от окружающего пространства.

Если ходить и открывать «дырку» наугад, то сто лет потратишь, прежде чем отыщешь хоть один...

Но проводников много, и шляются они из мира в мир не одно столетие, так что знания о неправильных участках понемногу накапливаются... Плюс на них иногда натываются обычные жители Центрума и видят, как не пойми откуда выбирается нечто совсем уж странное...

Откуда взялись те же мартыши, всякие чудовища с Пустошей или из северных гор?

Все явились из тех миров, что не относятся к «лепесткам» и лежат в тех плоскостях, что простому человеку, пусть даже трижды проводнику, в обычных условиях недоступны.

Вот и приходится собирать слухи, выслушивать сплетни, добывать информацию у коллег, а иногда и у пограничников... И использовать «компас», уникальный, необычный прибор, неведомо кем, где и когда изготовленный.

Вот он-то позволяет точно определять местонахождение тех неправильных участков, где физические параметры пусть немного, но все же отличаются от стандартных...

Самое полезное, что работает прибор и на Земле тоже.

Нет, с родной планеты можно попасть только в Центр, но зато с «компасом» ты можешь выбирать, куда именно... Для проводника, уходящего в параллельный мир из европейской России, «дырка» почти наверняка откроется в Клондал, для мексиканца или иного латиноамериканца – в Цад, причем скорее всего не куда попало, а в окрестности одной из нескольких хорошо известных точек.

Именно рядом с ними находятся заставы, именно там бродят дозором пограничники.

Но вот если ты хочешь из окрестностей Москвы попасть в Цад напрямую, то тебе нужно отыскать неправильный участок вроде того, что занимает южный склон одного из холмов над Истрой...

Еще до обретения «компаса» в памяти Олега содержались координаты десятков таких вот аномалий, а коллекция состояла из трех дюжин миров, с обитателями и без, скучных и экзотических, напоминавших рай и суровых настолько, что заглядывать туда было страшно.

Но за последние два года он узнал больше, чем за предыдущие десять.

– Фрррраах! – завопили над самой головой, и Олег инстинктивно вскинул автомат.

Существо, напоминавшее черную простыню с головой и лапками, заверещало и метнулось прочь.

Судя по тому, что пылавшее над горизонтом зарево слабело, он прибыл в чужой мир вечером. Зато с другой стороны из-за края мира неспешно вздыбливалось нечто желтовато-розовое, массивное, покрытое полосами, словно прямо на глазах там росла исполинская гора...

Не сразу Олег сообразил, что наблюдает восход планеты-гиганта вроде Юпитера или Сатурна, что сам он скорее всего находится на одном из ее спутников и что небо пересекает одно из ее колец!

В душе пело от восторга, хотелось подпрыгнуть, заорать во весь голос что-нибудь ликующее – именно ради таких зрелищ, ради подобных эмоций он и ходил в Центр, не жалел времени, сил и денег...

Интересно, есть ли в этом мире разумные существа?

Для начала Олег поднялся на вершину ближайшего холма – местная луна, она же Юпитер, высунулась из-за горизонта наполовину и давала достаточно света, чтобы видеть как днем. Обнаружил, что на востоке протекает река и что за ней такой же лес, как и на западе.

Ну что же, можно для начала определить, годится ли местная вода для питья...

Отрывистый хлопок Олег услышал, когда до воды осталось метров двадцать, и в первый момент не поверил собственным ушам. Замер, прислушиваясь... второй, третий, сразу несколько... нет, он не мог ошибиться, это точно выстрелы, вот только кто может тут использовать пороховое оружие?

Мгновение помедлив, он двинулся в ту сторону, откуда прикатились звуки.

Сначала по открытому участку, а затем через лес, заполненный шорохами и качающимися тенями, прыгающими по ветвям созданиями вроде крохотных

обезьян и отдаленным ревом крупного зверя...

Поднялся по склону очередного холма, а на его вершине замер в удивлении.

Дальше деревьев не было, и на берегу реки лежала полукруглая котловина размером с футбольный стадион. Рядами стояли палатки, большие, на дюжину человек каждая, ветер доносил запах дыма и вонь отхожего места, виднелось нечто вроде деревянной эстрады.

А ближний к Олегу край котловины занимало настоящее стрельбище.

– Ничего себе... – прошептал он, глядя, как лежащие и стоящие люди поднимают винтовки, как прохаживается за их спинами некто крупный и плечистый, судя по всему – инструктор.

Все вместе это напоминало ночные стрельбы в военном лагере...

Но откуда подобному взяться в этом мире?

Неужели местные обитатели, до крайности похожие на людей с Земли, Центрума или Сталра, дошли до той стадии цивилизации, когда изобретают огнестрельное оружие?

Или палатки под темно-синим небом разбила гости из другой вселенной?

И то и другое крайне маловероятно...

Залпы следовали один за другим, летели гильзы, мишени покачивались под ударами пуль... Доносились хлопки выстрелов, отрывистые команды, но с такого расстояния Олег не мог разобрать слов...

Нужно подобраться ближе, понять, на каком языке здесь говорят.

Или не связываться и вернуться?

Миров много, и большая их часть лишена такого суетливого и шумного элемента антуража, как люди...

Но если и имелся у Олега большой недостаток, то на эту роль претендовало в первую очередь любопытство. Это оно выталкивало его из сытой, обеспеченной и размеренной жизни бизнес-тренера, заставляло собирать невиданную коллекцию, рисковать не только здоровьем, но и жизнью. Нет, просто так он отсюда не уйдет!

И в тот самый момент, когда принял это решение, краем уха уловил шорох. Развернулся в ту сторону, откуда тот донесся, увидел надвигающуюся тень, блеск металла. Повернул АКСУ, понимая, что не успевает, что опоздал, что его застали врасплох...

Тяжелый удар обрушился на затылок, и перед глазами вспыхнули звезды.

Когда очнулся, понял, что лежит на животе, руки связаны за спиной, а глаза слепит пламя факела.

– Он очухался, – басовито сказали рядом по-цадски.

И то хорошо, что придется иметь дело с уроженцами известного тебе мира, а не с неведомыми аборигенами.

– А я уж думал, что все, ты его слишком сильно приложил, – произнес второй голос, куда более тонкий.

– Вы кто? Я не враг... – сказал Олег, поворачивая голову так, чтобы посмотреть вверх; позвонки жалобно хрустнули.

Так, два человека, один держит факел, другой вертит в руках АКСУ, и рюкзак проводника висит у него на плече. Оба вооружены теми автоматами, которыми снабжается королевская армия Цада, – что-то изготовленное на местных заводах по чертежам то ли бразильским, то ли израильским.

– О, ты знаешь наш язык? – воскликнул тот, что изучал АКСУ.

– Это решать не тебе, видит Священное Око, – сказал второй, с факелом.

Бас принадлежал как раз ему.

– А кому, вам? – Олег поморщился от боли в затылке.

– И не нам, – заключил басистый. – Все, пошли.

Соловьева подняли на ноги одним рывком и, толкнув, повели в сторону лагеря. Продравшись через заросли колючего кустарника, двинулись по склону вниз, туда, где стояли палатки.

Стрельбище, где по-прежнему не жалели патронов, осталось в стороне.

Олег мог открыть «дырку» в любой момент, прыгнуть в нее головой вперед и оказаться в дюнах к югу от Лирмора... Но ему было интересно, где он очутился, что здесь происходит, а кроме того, он категорически не хотел расставаться с вещами, в первую очередь с «компасом».

Вопреки ожиданиям его повели не напрямик в лагерь, а в обход, так, чтобы никто не увидел пленника. Они миновали аккуратную поленницу высотой в рост человека и остановились перед стоявшей на отшибе палаткой, маленькой по сравнению с остальными.

– Заходи, – велел басистый. – И не вздумай глупить. Если что – получишь пулю...

Нет, эти парни не шутили, и речи и вид их говорили, что тут не в «Зарницу» играют, а заняты делом. Осталось понять, каким именно и почему ради него пришлось устроить такую базу не где-нибудь в глухомани поблизости от Лирмора, а аж в параллельном мире.

Или Олег очутился в руках повстанцев, намеренных свергнуть местного короля?

Внутри палатка была обставлена скудно, почти аскетично – раскладная койка с шерстяным одеялом, большой сундук у противоположной стены; рядом с ним стол и кресло с высокой спинкой; на столе лежат толстые папки с документами, в канделябре горит толстая свеча из белого воска, огонек мерцает, по гладким

бокам бегут жирные прозрачные «слезы».

Басистый, зашедший внутрь вместе с Олегом, велел ему сесть на пол, второй конвоир улетучился бесследно.

- Может быть, хотя бы попить дашь? – спросил Соловьев.

- Потом дам, – равнодушно ответит цадец. – Если это «потом» у тебя будет.

По спине Олега побежал холодок...

Может быть, рвануть сейчас, голова болит достаточно сильно, чтобы он смог открыть «дырку»... Черт с ним, с «компасом», с новеньким АКСУ и прочим барахлом, жизнь куда дороже...

Но нет, рано, если что, то сумеет удрать перед самой казнью.

Полог палатки распахнулся, и внутрь шагнул сутулый дядечка в черной рясе, блеснула серебром его голова, качнулась кисть на белом, словно только что выпавший снег, кушаке.

Ого, священник из Ордена Взыскующих Истины, местной инквизиции!

- Разрешите доложить, отец Риччи! – гаркнул басистый, встав по стойке «смирно». – Незвестный задержан у пределов учебного лагеря во время подглядывания! Вооружен! Был! Говорит по-цадски!

Обладатель черной рясы и белого кушака одобрительно кивнул и поглядел на Олега. Глаза у него оказались голубыми и такими холодными, словно отдельно от хозяина хранились в морозильнике.

- Почему же неизвестный? – проговорил священник тихо и облизнул бледные губы. – Сей уроженец Чужемирья хорошо известен нам, кличут его Соловьем, проводник он родом с Земли...

Олег сглотнул. Вот уж никогда не думал, что досье на него имеется в недрах цадской инквизиции... Хотя, по слухам, эта «контора» обладала таким

могуществом, что КГБ времен расцвета истек бы слюнями от зависти, содержала тысячи шпионов и собирала информацию обо всех, кто хоть чем-то выделялся из толпы.

Вполне возможно, что и сегодня утром за Олегом ходил человек от Взыскующих Истины.

– Ведь я не ошибся? – спросил отец Риччи с кривой ухмылочкой.

– Нет, но я... – начал Олег, не очень хорошо понимая, что именно хочет сказать, но его прервали.

Священник покачал головой:

– Не болтай попусту, сын мой, ибо вполне возможно, что слова твои подходят к концу. Ибо как сказано в Книге Ересей – «да будет каждый ваш вздох как последний». Понимаешь?

Откуда в его руке возник пистолет, Олег не понял, сообразил лишь, что к его лбу прижалось холодное дуло, что улыбка бесследно исчезла с лица отца Риччи, а глаза смотрят так же пристально, беспощадные, немигающие, точно у готовой к броску змеи...

– Мы не можем допустить, чтобы о нашем лагере узнали те, кому это не нужно, – говорил инквизитор так тихо, что приходилось напрягаться, дабы разобрать слова. – Поэтому у тебя есть выбор... либо я прямо сейчас пушу тебе пулю в лоб, и мы закопаем твой труп в лесу. Если хочешь, то совершим обряды, предписанные Доктриной Цада. Понимаешь?

– Да-да... – Олег понял, что вспотел, несмотря на то, что в палатке не жарко.

– Либо ты остаешься здесь, среди нас, и становишься одним из нас, – продолжил инквизитор. – Ты – проводник, и не из последних, и твое дарование пригодилось бы нам.

– А не боитесь, что я... р-раз, и сбегу, раз я такой крутой? Запросто?

Отец Риччи вновь заулыбался, на этот раз покровительственно:

– Воистину ты недооцениваешь нас, сын мой, ибо хорошо ведомо нам, что ты «пьяный» проводник, и дабы открыть врата из мира в мир, нужна тебе жидкость хмельная... Таковой здесь ты не найдешь.

Инквизитор слегка ошибался, но поправлять его стал бы лишь идиот.

– А-а... – произнес Олег, раздумывая, что же делать.

Удрать прямо сейчас? Ну, нет, пока он так ничего и не узнал, кроме того, что к созданию «учебного лагеря» приложили руки Взыскующие Истины. Но зачем, кого и для чего здесь учат, знает ли об этом король, Пограничная стража, наконец?

– Решай, – сказал отец Риччи, и спусковой крючок слегка подался под его пальцем. – Либо смерть, либо ты остаешься с нами, сын мой, становишься одним из нас... Понимаешь?

– Да, конечно! Я согласен! – воскликнул Олег торопливо.

Не рассчитает инквизитор, нажмет чуть сильнее, и валяйся потом на полу с простреленной головой... А из загробного мира еще никто не возвращался, даже самый лучший из проводников!

– Велика сила Владыки нашего, – произнес нараспев отец Риччи, убирая пистолет, после чего осенил себя знаком Священного Ока; то же самое сделал и басистый конвоир. – Поднимайся, сын мой. Анчело проводит тебя в палатку...

– А мои вещи? Я... – сказал Олег.

Если придется бежать, то хотелось бы иметь при себе хотя бы «компас».

Деньги можно заработать, остальное восстановить, купить новое, но уникальный прибор – нет.

– У того, кто алчет высших духовных откровений, не может быть ничего личного. – Голос инквизитора звучал мягко, но непреклонно. – Все получишь обратно, сын мой, но только после того, как мы убедимся в твоей непреклонной преданности нашим идеалам. Надеюсь, что ты понимаешь, что у тебя лишь два пути – уверовать или остаться тут навсегда. Анчело!

Басистый схватил Олега за плечо и фактически поволок за собой.

Они оказались снаружи, под ночным небом, добрую часть которого занимал вылезший из-за горизонта газовый гигант, в этот момент похожий на исполинский надкусанный персик.

– Не задавай лишних вопросов, – посоветовал Анчело. – Все понемногу узнаешь. Только не забывай, что ты новичок и что на исповеди соседи про тебя все расскажут отцу Риччи... Никаких вредных разговоров, никаких глупых поступков, и все будет хорошо. Усвоил, проводник?

Олег кивнул.

Похоже, что придется провести в компании инквизитора и его подопечных какое-то время, разобраться, что к чему, постараться вернуть «компас», а затем благополучно убраться подальше...

Анчело вывел его на центральную «улицу» лагеря, по обе стороны от которой стояли палатки, а затем остановился у одной из них.

– Дитрих! – позвал он.

Полог колыхнулся, и наружу вышел низкорослый крепыш с бритой головой и квадратной челюстью – нацепить коричневую униформу, и получится типичный головорез из штурмовых отрядов.

– По вашему приказанию прибыл, – доложил он, вскинув подбородок.

– Вот тебе новичок, – сказал Анчело. – Позаботься о нем, посмотри, и все такое.

– Так точно! – отозвался Дитрих.

– Bist du Deutcher?[3 - Ты немец? (нем.)] – спросил Олег, когда басистый конвоир отошел, и они остались вдвоем.

– Здесь положено разговаривать на языке благословенного Цада, – отчеканил крепыш, сверкнув глазами. – Мое происхождение значения не имеет, ты должен лишь знать, что меня зовут Дитрих, я староста этой палатки, с этого момента – твой командир.

Ну да, дурацкий вопрос, все и так ясно по внешности и поведению...

Еще Джером Джером писал насчет того, что любой немец в душе военный, и стоит дать ему немного власти, как он превращается в сержанта самого худшего, тиранического пошиба.

– Jawohl![4 - Так точно! (нем.)] – заявил Олег, но тут же перешел на язык «благословенного Цада». – Понимаю, в смысле...

Если Дитрих и сообразил, что его слегка подкололи, то виду не подал.

– Пошли, я укажу тебе твое место, ознакомлю с братьями и сестрами, а также правилами внутреннего распорядка, которые регулируют жизнь нашего учебного лагеря.

Палатка освещалась подвешенной к центральному столбу за крюк масляной лампой. Двумя рядами стояли кровати, одинаково заправленные, рядом с каждой имелась тумбочка с лежащей на ней толстенной книгой в черном переплете и со знаком Священного Ока на обложке.

И еще тут были люди – около десятка, мужчины и женщины, все молодые, не старше тридцати.

– Всем внимание! – объявил Дитрих, хотя обитатели палатки уже и так с любопытством таращились на Соловьева. – Это наш новый брат, звать... Как твое имя?

– Олег.

– С этого момента он – один из нас, – продолжил староста как ни в чем не бывало. – Вот твоя койка и твой экземпляр Доктрины Цада, которую ты должен чтить и знать наизусть...

Главный религиозный труд, порожденный умами святош Центрума, толщиной не уступал Библии, и до сего момента Олег заглядывал в него всего пару раз, да и то именно заглядывал, исключительно из любопытства.

– Это – твои братья и сестры, твоя новая семья, ты обязан их любить и почитать. – Дитрих шпарил как по писаному, и ясно было, что он повторяет заученную инструкцию. – Запоминай, кого как зовут...

Вскоре стало ясно, что выходцев с Земли в палатке больше нет.

Олегу в память запал высоченный смуглый парень, откликнувшийся на Арама, и светловолосая девушка по имени Ингера, бросившая на новичка взгляд насмешливый и вместе с тем заинтересованный. Остальных он, честно говоря, запомнил плохо – слишком уж много впечатлений и новой информации получил за последние несколько часов, и мозг начал «перегреваться»...

– Теперь о правилах внутреннего распорядка, которые ты должен выполнять беспрекословно. – Дитрих не останавливался, он говорил размеренно и монотонно. – Первое...

Вскоре стало ясно, что Олег угодил вовсе не на «курорт», а в некую помесь армейской учебки и семинарии: строжайшее расписание, утренний и вечерний молебны, по восемь-десять часов занятий каждый день, беспрекословное подчинение старшим, за проступок – наказание вплоть до битья кнутом и карцера.

– Э... я все усвоил, – сказал он, когда староста закончил.

– Вот и хорошо. – Радости в голосе Дитриха не было. – А теперь всем разойтись. Отбой через пятнадцать минут. И так сегодня задержались...

Кого же и для чего готовит отец Риччи в лагере, что спрятан в мире под фальшивой радугой? Стрельбы, молитвы, а может быть, еще взрывное дело

и основы сбора разведывательной информации?

На койке, доставшейся Олегу, обнаружилось махровое полотенце, комплект одежды, начиная от нижнего белья и заканчивая чем-то вроде военной формы без знаков различия, в которой здесь щеголяли все. У одной из ножек стояли тяжелые ботинки.

Занимавшая соседнее место Ингера, не скрывая любопытства, смотрела, как Соловьев меряет призванные лишить его индивидуальности шмотки – все оказалось рассчитано на более крупного мужчину, но в целом подошло, даже ботинки не особенно болтались.

– Красааавец, – протянула она с откровенной издевкой.

Олег промолчал.

– Ну, ты и попал, друг, – продолжила девушка, изучая его синими глазищами. – Понятно, что ты явился сюда не по своей воле... Ведь так?

Говорила она по-цадски с мягким акцентом: ясно, что этот язык для нее не родной, но что именно это за акцент, Олег пока разобраться не мог, ни разу с таким не сталкивался.

– Возможно... – осторожно ответил он. – Случайно все вышло.

Ингера заулыбалась, показав ровные белые зубы.

Фигура у нее была отличная, но не как у кинозвезды или манекенщицы, а скорее как у спортсменки – плечи широкие, руки хоть и тонкие, но видно, что сильные, ноги длинные, а талия вряд ли больше канонических шестидесяти сантиметров. Выглядела она красивой и опасной, точно ядовитая змея.

– Не хочешь рассказать? – спросила девушка, нагибаясь вперед, так что в вырезе майки колыхнулась налитая грудь.

И тут Олег понял, откуда у нее может быть такой акцент.

– Зачем это? – спросил он по-сургански. – Ты готовить материал для исповедь?

Язык этот он знал плохо, практиковал мало, в стране со столицей в Танголе почти не бывал.

Уроженка Сургана, очутившаяся в Цаде, – вещь невероятная, это все равно что негр из какой-нибудь Центрально-Африканской Республики, перебравшийся на ПМЖ в Таджикистан.

– Что? – Ингера отшатнулась, веселье из ее глаз исчезло, его сменили подозрительность и страх. – Откуда ты?.. Неужели ты?.. Но ты же не из детей Сургана?

Она напряглась, сгорбилась, точно готовясь к прыжку, сжала кулаки.

– Нет. – Олег покачал головой. – Но я могу говорить по-твоему... по-вашему... Хорошо не очень, но могу.

– Да, я вижу, что не очень. – Девушка расслабилась, и на лицо ее вернулась улыбка. – Потом поболтаем, а сейчас ложись, а то Дитрих, староста наш ненаглядный, вот-вот лампу погасит...

И она без тени смущения принялась расстегивать ремень.

Олег улегся, натянул на себя колючее, неудобное одеяло, хотел еще разок обдумать свое положение, то, что надо будет сделать... Но накопившаяся усталость придавила его к кровати, и он провалился в сон со скоростью упавшего в пике самолета, поплыл на мягких черных волнах.

– Подъем! – гаркнули, как показалось, в самое ухо.

Олег сел на койке и вытаращил глаза. Полог был откинут, внутрь проникал клин ярко-желтого света, и в нем стоял Дитрих, облаченный в майку и трусы – бугрятся мышцы плеч и груди, светлые глаза вытаращены, агрессивно дыбится ярко-рыжий «ежик».

– На молебен! Быстро! Пять минут на все дела! – рявкнул он.

Соседи Олега уже сбрасывали одеяла.

Сам он в армии не служил, лишь проходил сборы на военной кафедре, но было это адски давно, и он успел отвыкнуть от подобных «упражнений» – застелить кровать и одеться за то время, пока горит зажженная спичка, рысцой сбегать в туалет, позевывая и стараясь не задремать на ходу.

И помчаться дальше, туда, куда устремились все обитатели лагеря...

Деревянная «эстрада», которую разглядел вчера в сумерках, оказалась молельней – навес, под ним кафедра для проповедника, а стенка за ней украшена священными изображениями: неизбежное Око в центре, рисунки, изображающие Восемь Грехов и Восемь Добродетелей, улыбающиеся физиономии святых и пророков всякого толка, нарисованных по одному и группами.

Пришлось встать на колени, руки сложить перед грудью, а голову склонить.

– Мир вам, возлюбленные дети! – объявил возникший за кафедрой отец Риччи. – Поприветствуем же новый день, посвященный упорному труду во славу святой матери нашей церкви...

Темой проповеди он выбрал Второе Грехопадение, случившееся уже на людской памяти, закончившееся победой над «ратями ересиаршими» и низвержением всей их мерзкой кофлы прямым в ад. Инквизитор рассказывал с такими подробностями, словно лично помогал тогда святому воинству.

Олег быстро сообразил, в какие моменты нужно издавать ритуальное восклицание «Ахой!», после чего заскучал и принялся исподтишка оглядываться: лица у «однокашников» сосредоточенные, вон плямкает губищами Арам, вон истово осеняет себя знаком Ока малорослая деваха с рыжей косой, вон двое парней аж дрожат в непритворном экстазе. Никто не перешептывается, не зевают, на отца Риччи глядят как на родного папу.

В задних рядах молятся парни с оружием, судя по всему – охранники, из числа которых и та парочка, что обнаружила и захватила вчера Соловьева. Но точно так же стоят на коленях, повторяют те же слова, что и другие, и не похоже,

что они присматривают за «студентами». Никто не помешает, если он вот прямо сейчас подскочит и рванет к зарослям...

Но нет, окрестности лагеря патрулируют не на случай того, что кто-нибудь вздумает дать деру, – бежать в конечном итоге некуда, домой не вернешься, как ни старайся. Скорее всего дозор устроен против местных хищников или разумных аборигенов, если таковые имеются.

– Ахой! Мир вам! – произнес отец Риччи в последний раз, и слушатели начали подниматься с колен.

За молебном последовала пробежка, и тут Олегу пришлось совсем тяжело – физическими упражнениям он, честно говоря, пренебрегал, поскольку никогда не толстел, вот уже лет двадцать весил чуть больше семидесяти.

Обратно в лагерь прибежал весь мокрый от пота, с языком на плече, да еще и опоздал на завтрак. Едва успел дойти до столовой, взяться за ложку и воткнуть ее в горку рассыпчатой кукурузной каши с мясом, как Дитрих гаркнул, что со жратвой покончено и что пора отправляться на занятия.

Два часа потратили на то, что именовалось «практической теологией». Занимались в одном из учебных классов, а точнее – под навесом, где стояли длинные столы и вокруг них лавки, и то, и другое сколочено из досок, причем довольно небрежно. Другие такие же «помещения» располагались по соседству, как и небольшой плац, и он мог видеть, что делают обитатели иных палаток.

Кто-то отработывал приемы рукопашного боя – девчонки и парни валились в пыль, перекатывались и вскакивали, на одежде темнели пятна пота. Кто-то собирал и разбирал пистолеты – блестящие разложенные на чистых тряпицах детали, стояли бутылки со смазкой, слышалось клацанье затворов.

Остальные занимались вещами более теоретическими...

Вел теологию собрат отца Риччи по Ордену Взыскующих Истины, по годам старший, по чину, как понял Олег, младший. На новичка он особого внимания не обращал, и так ясно, что тот пока мало чего понимает, зато остальных до седьмого пота гонял по Доктрине Цада, заставляя произносить наизусть и толковать разные отрывки. Напоследок же сказал Соловьеву:

– А ты, сын мой, должен заниматься вдвойне яростно, ибо незнание есть преступление для того, кто посвятил себя духовной брани, надел латы сверкающие и взял меч обоюдоострый...

– Да, отец мой, – покорно сказал Олег и поймал ехидный взгляд Ингеры.

Следующие два часа занимались предметом, который он менее всего ожидал тут встретить... английским языком! Из обитателей одной с ним палатки более-менее сносно говорил один лишь Дитрих, остальные, несмотря на усилия преподавателя, с трудом могли связать пару слов:

– I have... a table... Table are... is big.[5 - У меня есть стол... Стол большой... (ломан. англ.)]

Обед, после обеда небольшой перерыв, и его можно провести на койке.

Олег честно взял Доктрину Цада и принялся читать с самого начала – нет, он не собирался вникать в эту религиозную белиберду, просто маскировался, старался вести себя так, как от него ждут все, начиная от соседей по палатке и заканчивая преподавателями и самим отцом Риччи.

– Если тебе что-то неясно, то ты имеешь право обратиться с вопросом к братьям, – пояснил Дитрих, проходивший мимо койки Олега.

– Да, хорошо... – отозвался тот. – Э... я не очень понял, для чего нас тут готовят?

Глаза старосты фанатично сверкнули.

– Чтобы нести слово истины по всему миру и за его границы, просвещать заблудшие души, извлекать их из тенет мрака, излечивать от заблуждений и обращать к свету! – выпалил он на одном дыхании.

Так это что, выходит, всего лишь курсы миссионеров?

Ничего удивительного в этом вроде не было, Цад поощрял активную проповедь по всему Центруму. В Лирморе существовала основанная века назад семинария,

где священники учили языки других стран и народов, готовились к трудным и опасным путешествиям. Орден Ищущих Веры рассылал эмиссаров, открывал приюты для сирот и школы от Хеленгара до Аламеи и даже в более дальних землях...

Зачем создавать еще одну семинарию и прятать ее в другом мире?

Судя по английскому языку, собранных здесь людей готовили для отправки на Землю... Но высшие иерархи церкви никогда не говорили, что необходимо принести слово божье в иные вселенные. И зачем миссионерам умение стрелять?

- Запросто, спасибо, - проговорил Олег и вновь уткнулся в книжку.

Перерыв закончился слишком быстро, и пришлось тащиться на семинар по диспутологии... Провел его сам отец Риччи и сделал это, как не смог не отметить Соловьев, блестяще - два часа пролетели как один миг, а под конец он сообразил, что даже узнал кое-что новое и интересное.

Из седого инквизитора вышел бы отличный бизнес-тренер со склонностью к жестким методикам.

- Неплохо, сын мой, неплохо, - сказал отец Риччи напоследок и даже улыбнулся. - Старайся, ибо, как сказано в Книге Откровения, «пот ваш есть роса на губах Создателя». Понимаешь?

- Конечно, отец, - отозвался Олег и вслед за остальными потащился на рукопашный бой.

Тут пришлось несладко, хотя его поставили в пару с тощенькой смешливой брюнеткой по имени Люция.

- Какой ты неловкий, - сказала она, с невинной легкостью бросив его через бедро.

- Ну, так это всего лишь мой первый день, - отозвался Олег, поднимаясь на ноги. - Вы-то сколько тренируетесь?

Люция наморщила лобик:

– Десять дней...

Судя по выговору, происходила она из южных, не особенно богатых кварталов Лирмора.

– И как... уф... ты... уф... тут оказалась? – Олег вновь полетел наземь, и в этот раз все сошло менее удачно, он болезненно приложился копчиком, так что боль стегнула по спине до затылка.

– Ну... хм... тут хорошо платят, а у меня мама и двое младших... – сказала Люция, и тут же лицо ее изменилось, точно закаменело, и даже голос стал другим, вибрирующим то ли от страха, то ли от злости. – Нет, на самом деле я рада послужить нашему святейшему королю и нашей славной родине... И мы должны нести слово истины всюду, куда отправит нас длань матери-церкви...

Искренности хватило на несколько первых слов, дальше пошла голая пропаганда.

Но и то хлеб – хотя бы стало понятно, что в учебный лагерь люди попадают не только по принуждению, как Олег, но и по доброй воле, как эта девочка или тот же Дитрих, удивительный пример того, что можно стать фанатичным последователем религии, возникшей в чужом для тебя мире.

– Ты, тощий! – рявкнул подошедший вплотную инструктор, плотный и лысый, ростом как баскетбольный центровой. – Так ты и ребенка не одолеешь... Смотри-ка сюда!

Олег раз за разом падал, пытался в свою очередь сделать хоть что-то с Люцией, и один раз у него даже получилось. Вокруг топтались и пыхтели другие «студенты», доносились ругательства, кряхтение и глухие удары, восклицания боли и радости.

Ингеру, как это ни странно выглядело, поставили в пару к Араму.

Но вскоре Олег сообразил почему – девушка двигалась вроде бы так же неуклюже, как и остальные, но в нужный момент всегда ускорялась, и самое важное движение получалось у нее плавно и быстро; падала она так, чтобы ни в коем случае не навредить себе, а громадного напарника роняла с небрежным изяществом, наводившим на мысль, что рукопашный бой для нее не внове.

Непонятно почему, но она прятала свое умение. Хотя если уж Соловьев его заметил, то инструктор и подавно...

– Ладно, достаточно, – сказал он в тот момент, когда Люция в очередной раз провела удачный прием, и только тут Олег сообразил, что вымотан до предела, в голове гудит, мышцы ноют, а местное солнце, маленькое, но куда горячее земного, ушло за деревья на западе...

День пролетел, как спешащая к птенцам ласточка.

В принципе он узнал достаточно, чтобы понять, где оказался, – под небом с газовым гигантом и его кольцами расположилось нечто вроде тренировочной базы для подготовки фанатиков, способных как проповедовать Доктрину Цада, так и убивать, и шпионить ради нее.

Королевская церковь, похоже, задумала расширить религиозную экспансию за счет примыкающих к Центруму «лепестков», в первую очередь Земли, самого развитого среди них. Решила сделать все так, чтобы не привлечь внимания Пограничной стражи, и для этого учебный лагерь спрятали: с одной стороны, он в нескольких километрах от Лирмора, а с другой – его почти невозможно отыскать.

Денег и прочих ресурсов святоши не пожалели, нашли талантливое проводника, способного проделать «дырку» в этот мир. А затем привязали его к себе подкупом, шантажом или еще как, чтобы иметь возможность открыть проход в любой момент.

Отсюда и следы в дюнах – лагерь нужно снабжать, причем регулярно...

Если остаться тут еще на день, на второй, на третий, то вряд ли выяснишь что-то новое, только одуреешь и устанешь еще больше... Можно уйти, но для начала нужно разузнать, куда дели «компас», и постараться его вернуть.

После занятий по рукопашному бою пришлось тащиться на вечернюю службу...

Ее, в отличие от утренней, провели на ногах, и напоминала она не проповедь, а молебен в православном или католическом храме – отец Риччи вырядился в желто-фиолетовое облачение и высокую шапку, вооружился палкой с золоченым диском на конце.

Олег стоял, сложив руки на груди, как и остальные, и даже восклицал «Ахой!», но благочестивого подъема в душе не ощущал. Ноги дрожали от усталости, мускулы спины и плеч ломило, хотелось спать, а от голода подводило живот.

Служба, к счастью, оказалась короткой, а за ней последовал ужин.

– Вечер сегодня свободный, – объявил Дитрих, когда с едой оказалось покончено. – Но ты, – он посмотрел на Олега сурово, – не забывай, что ты должен продвигаться в освоении Доктрины Цада.

Кому же еще, как не старосте, следить, чтобы новый брат не терял времени даром?

– Но помыться-то хоть можно? – спросил Олег. – Душ тут есть?

Купальни располагались на берегу реки – выстроенные в ряд кабинки, наполовину на суше, наполовину в воде, стены щелястые, чтобы проветривалось, в углу лавка для вещей, на полке кусок грубого мыла, не сказать чтобы комфортно или даже особенно удобно, но для бойцов религиозного фронта в самый раз.

Пришлось выстоять очередь, и из купальни Олег вышел уже в сумерках.

Сутки здесь, судя по ощущениям, были немного короче, чем на Земле или в Центруме.

Небо потемнело, в нем осталась переливаться разными цветами колоссальная «радуга». Из-за горизонта выдвинулся край газового гиганта, желто-бежевый, точно подсвеченное закатом облако.

Олег так устал, что в первый момент сбился с пути, пошел не к своей палатке.

Обнаружил, что ушагал не туда, только около молельни, а когда развернулся, дорогу ему загородили.

– Ну что, поговорим, друг-проводник? – сказала Ингера низким, грудным голосом, и от его звуков у Олега заныли зубы.

* * *

Зубы заныли так, что он едва не подавился. Поспешно отставил стакан, да так и остался сидеть с приоткрытым ртом, с капающими слюнями и вытаращенными глазами, выжидая, пока не пройдет мерзкое ощущение...

Для сегодняшнего эксперимента Олег купил водку, и, похоже, нарвался на паленую.

– Ну и хрень... – выдавил он, вытер рот рукавом и потянулся к столу, где лежала закуска – соленые огурцы из присланной матерью с оказией банки и ломти серой, «бумажной» колбасы.

А ведь деваться некуда, надо накачаться так же, как в тот вечер в походе...

С того дня, когда он, сам не зная как, открыл «дырку» в параллельный мир, прошло больше полугода... Тогда мужики, назвавшиеся пограничниками, более-менее растолковали Олегу что к чему, поставили на правом запястье татуировку в виде кружочка и велели приходить еще, если он надумает так или иначе связать судьбу с Центрумом.

Вернули его домой они сами, для чего тому, что постарше, по имени Борис, пришлось встать в хитрую каратистскую стойку, да еще и руками помахать... Младший, откликнувшись на Толика, матюгнувшись, открылась «дырка», белесая, почти прозрачная, и Олег, пройдя через нее, очутился в Сокольниках, прямо в центре парка, в густых и мокрых зарослях.

Кое-как добрался до общаги через пол-Москвы, не попавшись в руки милиции, но на следующий день все же пришлось с ней, родимой, общаться, улаживать

недоразумение. Хмельные одноклассники пусть не сразу, но все-таки заметили, что Соловьев пропал, найти его не смогли и подняли панику.

С трудом, но удалось отговориться – на пьяную голову убрел в лес, уснул где-то в чащобе, на первой электричке уехал в Москву; простите, люди добрые, перебрал, больше так не буду, честное комсомольское.

О том, что на самом деле с ним произошло, Олег не рассказал никому. Слишком хорошо понимал, что ему никто не поверит, что родственники или друзья решат – выделяется студент, придумывает чепуху в духе братьев Стругацких, чтобы внимание к себе привлечь.

Желания сходить в Центрум еще раз не возникало долго.

Но где-то с месяц назад Олег решил, что надо попробовать, что раз есть у него способность открывать «дырки» из мира в мир, то глупо ее не развивать, оставить все как есть... Как ее он будет использовать и будет ли использовать вообще, пока не решил, для начала надо убедиться, что случившееся дождливой майской ночью не было сном.

Дождлся дня, когда Санек, сосед по комнате, уехал на выходные к родителям в Тверь. Купил бутылку, протащил ее в общагу так, чтобы никто из соседей не заметил, да еще и дверь запер и свет погасил, чтобы никому не пришлось в голову заглянуть «на огонек»...

Затем постарался вспомнить инструкции Бориса. Тот говорил, что каждый может открыть «дырку» в одном особом, конкретном психологическом состоянии – одному надо разозлиться, другому, наоборот, успокоиться до почти полной отключки, третьему – испугаться или впасть в крайнюю степень смущения, когда только сквозь землю, и никак иначе.

Олегу повезло уродиться «пьяным» проводником. А это значит, что нужно надраться до той же степени, что и тогда, в походе, вспомнить те не самые приятные эмоции, которые испытывал, уходя от костра за дровами...

– Это мы запросто, – пробормотал он, закусив огурцом и пытаясь вызвать все то же самое: гнев на приятелей, раздражение по поводу дождя и дурацкой затеи с выездом на природу.

Но нет, одного стакана мало... он не так пьян, как был тогда.

Олег поднял бутылку, набулькал еще примерно грамм сто, набрался храбрости и выпил, а точнее, вылил мерзкую жидкость в горло. Волна тошноты ударила обратно из желудка, так что пришлось зажмуриться, смаргивая выступившие слезы и отгоняя желание выскочить в коридор. Если что, то до туалета метров тридцать, можно не добежать. Опозоришься на всю общагу – и как жмот, пьющий в одиночку, и как обладатель слабого желудка.

– Ничего-ничего... – прошептал Олег, словно уговаривая себя, и открыл глаза.

Комната слегка покачивалась, в окно светил фонарь, видно было, как на его фоне раскачиваются ветки, в стекла мягкими снежными лапами тыркалась первая метель наступившей зимы.

Ну вот, кажется, что созрел.

Он напрягся изо всех сил, желая, чтобы в полумраке открылось радужное отверстие... Но ничего не произошло, лишь затошнило опять, на этот раз, к счастью, намного слабее...

Ах да, он же тогда стоял!

Подняться Олегу удалось со второй попытки, он едва не упал, схватился за угол стола... Подумал, что неплохо бы сейчас прогуляться к девчонкам из двести третьей, там такая первачка заселилась... хотя нет, у него же есть дело, он не просто так тут выпивает!

Сосредоточился, даже сделал движение руками, размахивая воображаемым топором, – может быть, в нем все дело, в нем ключик, что откроет дверь в иную реальность?

Так, надо взять что-нибудь, чтобы ощущать тяжесть... вот, веник!

Но с веником вышло ничуть не лучше, чем без него, «дырка» открываться не пожелала.

- Черт, - сказал Олег, усаживаясь обратно. - Неужели еще пить?

От одной мысли о жидкости, что плескалась в бутылке, начинало мутить.

С тяжким вздохом нацедил примерно треть стакана и выпил словно горькое лекарство. Закусил на этот раз колбасой, а затем вылил себе на голову литр воды из заранее приготовленной банки.

Вдруг ему для переноса нужно быть мокрым? Ведь тогда шел дождь?

И вновь ничего не получилось...

Неужели тащиться к соседям-геологам, просить у них топор или нечто похожее?.. Или отправиться в душ, где намочить себя как следует, а по дороге заглянуть к коменданту, чтобы поругаться и прийти в нужное состояние?..

Ну, уж нет, это на крайний случай...

Но вот сходить отлить очень даже можно, а то и нужно, иначе какое там продолжение эксперимента?

- Запросто, - с преувеличенной бодростью сказал Олег, после чего снова встал.

Но ноги подвели хозяина, подогнулись совсем не в нужный момент, его повело в сторону. Запнулся о лежавшую на полу гирю Санька и коленкой врезался прямым в угол стола.

Боль оказалась такой острой, что Олег на миг потерялся, где он и кто.

Но когда сознание вернулось, он не поверил собственным глазам - в самом центре комнаты над потертым ковром цвета болотной жижи висел, переливаясь всеми цветами радуги, круг света диаметром в два метра.

Ого, получилось!

Издав нечленораздельный, но полный радости вопль, он бросился напрямиком в «дырку»... Тело сдавило, будто его смяли великанские руки, и он упал на четвереньки, приземлился на каменистую, твердую почву.

В параллельном мире было не так жарко, как в прошлый раз, а вокруг лежала не пустыня, а горы. Иззубренные вершины, кое-где покрытые белыми пятнами снега, уходили в низкие, стремительно мчащиеся облака, и ветер пронизывал до костей.

– Кайшон? – сказал кто-то тихим, словно бы детским голосом.

Повернувшись, Олег обнаружил, что слева от него расположился крупный валун, а на его вершине сидит животное вроде крупной обезьяны, нечто среднее между мартышкой и шимпанзе. Так, либо эта тварь может говорить, либо...

– Кайшон? – повторила обезьяна, осторожно приподнимаясь. – Астчок?

Сомнений не осталось – мохнатое существо произносило членораздельные звуки, и они, может быть, даже имели смысл.

– Ты кто? – спросил Олег, сам понимая, что несет ерунду, но будучи не в силах остановиться. – Куда я вообще попал? Это Центрум или гора Килиманджаро в Африке?

Обезьяна спрыгнула с валуна и рванула прочь, вверх по склону, а Соловьева все же вырвало, напрямиком под ноги.

Утерев рот, сумел подняться, кое-как оглядеться – если на севере сплошь горы, то на юге виднеется равнина, а на самом горизонте даже что-то вроде города, вон и трубы заводские дымят, такие же, как в родном СССР.

Нет, все же это не Африка, а Клондал или еще какая из соседних стран.

Хотелось возликовать, запрыгать с поднятыми руками, но сил на подобное не было. Тошнило, во рту стоял мерзкий привкус сивухи, а ноги просто-напросто подламывались.

«Ничего, если я пять минут полежу», – решил Олег.

Валун, на котором сидела обезьяна, пригодится, чтобы спрятаться за ним от ветра... Камни, конечно, не перины пуховые, но сойдут, чтобы слегка передохнуть и прийти в себя...

Закрыв глаза, а когда открыл – вокруг было темно.

Голова разламывалась, хотелось пить, завывал ветер, в вышине моргали необычайно яркие звезды.

– Что... – начал Олег, пытаюсь сообразить, где он, и воспоминания ударили его точно кувалдой: он же в Центруме, сумел открыть сюда «дырку», а вот остатки водки захватить не догадался... чтобы вернуться, ему снова нужно оказаться в стельку пьяным! Вот идиот!

От собственной глупости он застонал. Неужели придется искать пограничников, рассказывать, кто он и как тут оказался? Убеждать, чтобы ему поверили и не решили, что перед ними притворяющийся идиотом контрабандист?

О нет...

Плохо соображая, что делает, Олег изо всех сил шарахнул себя кулаком по лбу. Между ушей зазвенело, в недрах живота проснулась тошнота, зато во тьме раскрылся круг радужного свечения.

Но как, он же трезв? Или похмелье тоже годится?

Но над этим можно поразмыслить потом!

Олег вскочил на ноги, шатаясь, рванулся к «дырке», пролетел через нее и второй раз за сутки врезался в тот же стол... Но не обратил на это внимания, чуть не заплакал от радости, без сил повалился на собственную кровать и отрубился повторно, ничуть не хуже, чем в первый раз.

Снилась ему высохшая, неприглядная степь, пучки жесткой пожелтевшей травы, островки кустарника с колючими ветками и почти без листьев и пылающее

в белесом небе солнце Центрума.

Глава 3

– Проводник? – спросил Олег, стараясь, чтобы удивление прозвучало естественно. – И с чего вдруг ты называешь меня этим словом?

Ингера улыбнулась, на ее щеках возникли ямочки.

– Слухами земля полнится, – ответила она. – На фанатика-доктринера ты не похож. На бедолагу, завербовавшегося ради денег, – тоже. Значит, тебя прихватили насильно. Прихватили в этом мире. А кто способен попасть сюда по собственной воле? Ведь так?

Девушка из Сургана была даже опаснее, чем он думал. Котелок у нее варил что надо, да еще она, похоже, умела собирать информацию, выуживать ценные крупички из чужих оговорок, задавать нужные вопросы кому надо и получать ответы.

– Что тебе за дело до того, кто я таков и как попал сюда? – поинтересовался Олег.

– Я очень-очень любопытная. – Девушка придвинулась ближе, он ощутил исходящий от нее запах: никаких духов, только чистое, свежее и здоровое женское тело. – А кроме того, мне очень хотелось бы выбраться отсюда. Возьмешь с собой, проводник?

Что это, провокация отца Риччи или девушка говорит сама от себя?

– Чего это ты вдруг? – спросил Олег просто для того, чтобы потянуть время. – Потеряла веру? Разонравились проповеди и уроки священного мордобоя?

– Я попала сюда, скажем так, по ошибке. – Ее ладонь скользнула по его животу. – Очень хочу выбраться, вернуться домой... Я отблагодарю тебя так, что ты не пожалеешь...

Ласковые пальчики ковырнули пупок и двинулись ниже. В другой момент это оказалось бы наверняка приятно, но не сейчас, когда Олег умирал от усталости, с одной стороны, а с другой – адски боялся, что все это подстава со стороны отцов-инквизиторов.

– Не страшись меня, друг, я... – продолжала мурлыкать Ингера.

– Не трожь, не купила! – Олег вздрогнул и отступил на шаг. – Прекрати!

Громадная луна давала достаточно света, чтобы он мог видеть лицо собеседницы – сначала на нем отразилась досада, но быстро исчезла, сменившись обычным насмешливым выражением.

– Хорошо, – произнесла Ингера уже обыденным, будничным тоном, без эротичных придыханий. – Если я тебя не привлекаю, то поговорим спокойно, как деловые люди. Ведь так?

– Да, – сказал Олег, стараясь, чтобы это слово прозвучало твердо. – Во-первых, почему я должен тебе доверять? Может быть, тебя подослал отец Риччи? Или еще кто?

Девушка вздохнула, но оскорбленную невинность изображать не стала.

– Не должен, – подтвердила она. – А доказательств у меня, как понимаешь, нет. Давай я расскажу тебе свою историю, а ты сам решишь, говорю я правду или лгу. Отбой через час, и у тебя найдется время, чтобы почитать Доктрину, порадовать Дитриха...

– Ну, хорошо. – Когда тебя просит о чем-то красивая девушка, отказаться трудно.

– Родом я, как ты уже догадался, из Сургана... – начала Ингера.

И дальше последовало описание жизни девчонки из провинции – небогатые родители из трудяг, обычная школа, затем переезд в столицу, там рабочие курсы, фабрика и трудовые подвиги, странно только, что во всем этом отсутствовал суженый и желание создать первичную ячейку общества.

«Интересно, что это за „фабрика“, на которой учат драться?» – подумал Олег.

Да и акцент Ингеры выглядел так, словно она могла убрать его в любой момент и заговорить чисто, как уроженка Лирмора или одного из городков, что теснятся вокруг столицы. Говорила же при этом на языке Цада она безупречно, совсем не так, как мигрант, учивший его вынужденно, почти не использовала сленг и не самые правильные грамматические обороты, как это делают местные.

– А потом я совершила ошибку, – сказала девушка и прикусила губу. – Большую. Мне пришлось бежать за пределы родной страны...

«И ты боишься, что за тобой отправили погоню, – добавил Олег про себя, вспоминая, как она всполошилась в тот момент, когда услышала от него сурганскую речь. – Ага, погоню за простой фабричной девчонкой, которая не сгинула, не пропала, а прошла через всю Лорею и добралась до Цада».

– В Лирморе я чуть не умерла с голоду, – продолжала Ингера, глядя куда-то поверх головы собеседника. – И тут меня очень вовремя нашли те, кто затеял все это... вот это... – И она повела рукой, обводя погруженный во тьму лагерь.

В ее истории было слишком много белых пятен, откровенных умолчаний, и именно поэтому она походила на правду.

Если бы девушка захотела попросту обмануть Олега, то сочинила бы что-нибудь более правдоподобное. А так похоже, что не соврала, но и раскрываться до конца не захотела, что тоже вполне естественно – она ведь, в свою очередь, тоже не может ему доверять!

– И ты хочешь покинуть лагерь? – уточнил он.

– Да, хочу! От гнусных святош меня тошнит! – Ингера сжала кулаки, нахмурилась. – Давно бы сбежала, но я не умею открывать врата...

Ничего странного, уроженцы Центрума в принципе не могут быть проводниками.

– И не боишься, что тебя будут преследовать?

– А это уже не твоя забота, как-нибудь ускользну, ведь ушла я от... – Она осеклась, поняв, что едва не сболтнула лишнего. – В общем, помоги мне, возьми меня с собой, друг!

В последней фразе прозвучала чуть ли не мольба.

– Я тоже не желаю тут задерживаться, – сказал Олег, осторожно подбирая слова. – Постараюсь уйти как можно скорее... Но для этого мне надо вернуть кое-что из вещей. Они же все у меня отобрали...

– Не только у тебя, всех нас в первый день обчистили, – пробормотала Ингера. – Барахло наверняка хранят на одном из складов, на каком, я не знаю, но постараюсь выяснить.

– Поможешь мне – я помогу тебе. – Заявив так, Олег еще раз прокрутил в памяти разговор и остался доволен – в том, что он проводник, впрямую не сознался, ни на какой криминал не подписался, ничего важного не выдал, так что, если даже девчонка проболтается на исповеди, ему это ничем не грозит. Отцу Риччи и его присным и так ясно, что Соловей далеко не самый благонадежный из обитателей лагеря.

– Вот за это спасибо! – воскликнула Ингера и, наклонившись, поцеловала его в щеку. А затем исчезла стремительно и бесшумно, канула во тьму за молельней.

А Олег побрел искать свою палатку... надо лечь, взять в руки толстый том Доктрины, почитать что-нибудь не особо занудное из Книги Пророков, Книги Ересей или Книги Чужемирья... Хотя бы для крепкого сна.

Следующим утром ухитрился проснуться за пару минут до того, как Дитрих рывкнул «Подъем!».

Откровенно говоря, был готов к тому, что вчерашняя эскапада Ингеры – всего лишь провокация и что в любой момент явятся охранники и под белы ручки отведут блудного проводника к отцу Риччи.

Но все пошло как обычно – Олег отстоял молебен, а на пробежке едва не умер, но пришел к финишу с остальными и завтрак не пропустил, слишком уж

не хотелось до обеда ходить с пустым брюхом, как вчера.

После еды их повели к стрельбищу, где пришлось ознакомиться со снайперской винтовкой: оружие было откровенно устаревшей модели, но инструктора исходило из того, что главное – освоить принцип, натренировать глаз и руку, а более совершенным «инструментом» овладеть будет нетрудно.

Свистели пули, впиваясь в мишени, отдача била в плечо, клацал затвор.

В напарники Олегу достался Арам, бывший родом, судя по выговору, откуда-то с джавальской границы. Говорил он мало и медленно, делал все неспешно, но не суетился и наставления инструктора выполнял беспрекословно.

Один стрелял, второй перезаряжал и ждал своей очереди.

– Ого, смотри, – сказал Арам, когда Олег только приложил глаз к прицелу. – Там... эта... вон...

– Что?

– А вон! – Великан махнул рукой в сторону лагеря.

Там царила не вполне понятная суматоха – доносились окрики, бегали люди.

– Так, заканчиваем! Отбой немедленно! – злобно рявкнул инструктор, здоровяк по кличке Кот. – На ваше счастье, недоумки, занятия прерываются и до обеда не возобновятся... Все быстро на разгрузку!

Спросить хоть у кого-нибудь, что именно происходит, Олег не успел. Вслед за Дитрихом и остальными помчался в лагерь, где обнаружилась причина суматохи – около дюжины телег, запряженных низкорослыми цадскими лошадьми, нагруженных ящиками, бочками и мешками.

Судя по всему, прибыл обоз из Лирмора, привез в лагерь снедь и все прочее, без чего тут не выжить... А это значит, что его привел тот проводник, что работает на Орден Взыскующих Истины. Вот бы поглядеть на него хоть одним глазком.

Но Олегу такой возможности не дали – пришлось разгружать телеги, перетаскивать ящики и бочки в одну из пустых палаток, и все это под пристальными взглядами охранников, так что не ускользнуть.

Но даже сумеет он улизнуть, то что толку? Кого искать среди десятков незнакомых лиц? Ведь над головой проводника не пылает нимб, и беджик с именем и должностью он вряд ли носит.

– Нас ожидает духовная беседа, братья, – объявил Дитрих, когда телеги опустели. – В молельню.

Около кафедры стоял отец Риччи, вполголоса беседовал с еще одним священником в черной рясе и белом кушаке инквизитора. Незнакомец, плотный, невысокий, совершенно лысый, выглядел лет на сорок, а на шее его висел серебряный знак Священного Ока, поблескивали украшавшие его алые и зеленые драгоценные камушки.

Ничего себе, такую «бижутерию» носят только высшие иерархи Цада.

– Ого, святой человек... – протянул оказавшийся рядом Арам, и невыразительная физиономия его ожила, пытаюсь изобразить восхищение.

– Кто это? – спросил Олег.

– Цагене. – Люция обернулась, глянула изумленно. – Неужели ты его не знаешь?

Имя это Олег слышал, и всегда его произносили со страхом и почтением.

Вито Цагене возглавлял Орден Взыскующих Истины и был одним из тех, кто на самом деле правил королевством. Причем он всегда оставался в тени, позволял другим мнить себя лидерами, но при этом был самым могущественным из тех, кого на Земле называли бы «кардиналами».

Главы других церковных орденов заискивали перед ним, члены королевской семьи просили у него прощения за «шалости» и брали деньги в займы, простые люди, с одной стороны, боялись, а с другой – уважали. Многие думали, что только Взыскующие Истины способны защитить Цад в случае опасности

и привести страну к истинному величию.

– Дети мои, возрадуемся, благословим же сей славный миг, – произнес отец Риччи. – Небеса снизошли к нашим мольбам и послали нам утешителя и проповедника величайшего, сам брат Вито явился к нам, чтобы проверить наши успехи на поле духовной брани и наставить на путь истинный... Как сказано во Втором Послании Против Ереси Именующих – «да будут ваши уши разверсты, а рты закрыты накрепко»... Слушаем!

Цагене не стал использовать кафедру, он просто сделал шаг вперед и поднял глаза. Тишина стояла такая, что можно было услышать, как в том лесу, где позавчера схватили Олега, вопит какая-то тварь, как ветер играет ветками и шуршит в траве, как журчит река у купален.

– Нет истины помимо той, что вы несете в себе. – Голос у главы ордена был глуховатый, низкий. – Все книги, любые изображения – ничто, пустые сосуды, если их не наполняет смыслом живая вера из того источника, что скрыт в глубинах вашего сердца...

Олег ждал, что Цагене понесет высокоумный религиозный бред, густо присыпанный цитатами из Доктрины, но тот неожиданно заговорил о миссионерстве:

– Слово Цада громко звучит лишь в небольшом уголке нашего мира, избранного Священным Оком, в то время как речи лживые облаком темным висят над землями иными и над Чужемирьем, и терпеть сие более невозможно, если считаем мы себя истинно верующими. И мы с вами стоим на переднем краю той масштабной борьбы, что вот-вот охватит всю Вселенную, мы – передовой отряд, что понесет факел истины в самые дальние и темные ее уголки, бросит искры преобразующего пламени повсюду, где это возможно...

Риторика знакомая, легко представить, что оказался на митинге в Москве или Петербурге году эдак в восемнадцатом, и глаза оратора горят тем же мрачным фанатизмом, что у Ленина и его сторонников.

– Мы должны объединить наш мир для борьбы со злом и для этого безжалостно уничтожить всякого, кто встанет у нас на пути, не важно, друг он нам или брат по крови, – продолжал Цагене, и аудитория слушала как зачарованная, многие,

казалось, даже не дышали.

Понятно, активная проповедь истины всегда очень хорошо сочеталась с войной за веру, вспомнить те же походы арабов Мухаммеда, закончившиеся созданием халифата от Индии до Испании, или движение крестоносцев, неплохо прикрывшее торговую экспансию европейцев на Восток...

Неужто глава Ордена Взыскующих Истины хочет развязать нечто подобное в Центруме?

Для затравки Джаваль, где сначала обнаружат, что столица захвачена, и только затем почешутся... Потом Лорея, интеллектуалы которой на подозрении у религиозных фанатиков, а армия не особенно сильна... Затем можно потягаться и с Клондалом, подорвав его силу изнутри, посеяв раздор среди знати и военных и вмешавшись в события якобы для защиты веры.

И вот тебе новая супердержава, объединенная единой религией и пролитой в предыдущих конфликтах кровью, готовая потягаться с набирающим мощь на Востоке Сурганом...

Но судя по речам Цагене, одного Центрума ему недостаточно.

И не только по речам, сам учебный лагерь – красноречивое доказательство того, что королевство Цад претендует на то, чтобы быть не только духовным центром мироздания, которым оно себя и так считает, но и стать политической силой, имеющей значительное влияние во многих «лепестках»!

Из землян тут не один Дитрих, Олег пару раз слышал французскую речь, единожды – арабскую.

И если представить, что подготовленные здесь эмиссары-проповедники с Доктриной в одной руке и с автоматом в другой появятся на Земле, для начала в каком-нибудь отдаленном регионе слаборазвитой страны, где население невежественно, а власть слаба...

Очажок в Азии, другой в Африке, третий в Южной Америке... И вот тебе новая мировая религия, о которой месяц назад никто и не слышал, активная, мощная,

полная яростного желания не просто выгрызть себе место под солнцем, а уничтожить конкурентов.

Тогда исламские фанатики покажутся робкими и ласковыми чудаками...

Ну, нет, невозможно, бред, распалившееся воображение сыграло с Олегом дурную шутку – не хватит у королевства сил и средств на такое, даже в войне с тем же Джавалем шансов на победу у него не так много.

И чтобы принести слово Цада на Землю, нужны многие тысячи миссионеров, а их подготовка стоит бешеных денег.

– И всегда, в каждый момент, где бы вы ни находились, чем бы ни занимались, вы должны осознавать и помнить, что в нашем мире и в других существует зло, – вещал тем временем Цагене, с легкостью опытного оратора нанизывая бусины слов на нить речи. – Открытое и явное, понятное всем... И другое, что прячется, жаждет представить себя добром или маскируется под нечто нейтральное... – Пауза, чтобы слушатели осмыслили. – Все помнят, что случилось в нашем мире сто девять лет назад?

В ответ прозвучал дружный негодующий гул, кто-то даже вскинул руки над головой – да уж, катастрофа, едва не уничтожившая местную цивилизацию, не забудется и через тысячу лет.

– Многие считают, что это было наказание, ниспосланное за грехи наши. – Цагене усмехнулся. – Я же скажу вам – нет! Это благословение, спасение от порабощающего зла! Того самого, которое несет развитие ума, накопление знаний, не опирающееся на истинную веру!

Олег насторожился. То, что научно-технический прогресс от дьявола, церковь Цада никогда не утверждала... Насколько он помнил, в Доктрине по этому поводу не имелось ни строчки, а иерархи и теологи на эту тему вовсе не рассуждали, и уж тем более тут не жгли на кострах ученых и изобретателей.

Так что либо глава Ордена Взыскующих Истины впал в ересь и действует по собственной инициативе, либо эту «ересь» придумали в королевском дворце и обкатывают на небольшой группе фанатиков. Выгорит дело, схавают, тогда можно будет запустить в широкие массы, сделать частью официальной

идеологии, ну а если не пройдет, то никто об эксперименте и не узнает.

Но не слишком ли сложно? Может быть, все куда проще, и перед ними стоит ересиарх, решивший создать собственную армию для вполне приземленной цели – захвата власти в одном отдельно взятом Цаде? Короля в народе, конечно, любят, но вот его отпрыски вызывают лишь презрение – что сыновья, что дочери. Вряд ли кто ринется на баррикады умирать ради них...

Слушатели меж тем переваривали речь. Олег почти слышал, как скрипят мозги в голове у стоявшего рядом Арама, Люция ожесточенно скребла в затылке, сзади кто-то нервно икал.

– Я понимаю, что истина сия для усвоения требует интенсивной духовной работы, – голос Цагене стал вкрадчивым, – но ради нее вы здесь и находитесь, и ваши наставники вам обязательно помогут. Не стесняйтесь, задавайте им вопросы, и вы получите ответы.

Отец Риччи благостно закивал, и оба священника осенили себя знаком Ока.

– Благословите нас, святой отец! – попросил кто-то из передних рядов, и слушатели начали опускаться на колени.

Олег присел вместе с остальными, склонил голову.

– Да пребудут с вами свет, добро и разумение, здесь и до скончания дней ваших! – Глава Ордена Взыскующих Истины использовал вполне классическую, одобренную отцами местной церкви формулу.

Но ничего, еще придумает свою, когда станет во главе Цада...

– Так, все в столовую! – объявил Дитрих.

Олег повернулся, чтобы двинуться следом за остальными, но тут тяжелая ладонь легла ему на плечо.

– Стой, добрый человек, – сказал незнакомый инквизитор, сложением и мощью не уступавший братьям Кличко: один из тех, кто держался за спиной Цагене,

пока тот ораторствовал. – Отец Вито хочет видеть тебя прямо сейчас. Не бойся, это ненадолго.

Олег сглотнул, по спине побежали мурашки. Понятно, что главе Ордена Взыскующих Истины доложили, что в окрестностях лагеря захвачен проводник, и тот, похоже, сам решил посмотреть, что за птица угодила в руки охраны. Все логично, но как бы хотелось без этого обойтись.

Вблизи Цагене выглядел не более симпатичным, чем издали, – глаза слегка навыкате, на лысине блестят капли пота, руки с короткими пальцами сложены на груди, прямо под серебряным знаком Священного Ока.

Олег поклонился, как положено мирянину при встрече с духовным лицом.

– Вот ты каков, человек по прозвищу Соловей... – сказал главный инквизитор негромко, и голос его оказался равнодушным, зато взгляд испытующим, острым. – Расскажи мне, ничтожному, как ты оказался в этом мире?

Олег пожал плечами:

– Открыл проход и вошел.

– Это ясно. – Цагене кивнул. – Но как ты узнал, что ты сможешь это сделать?

– Слухами земля полнится, – ответил Олег, и место мурашек на спине заняли струйки пота. – В Лирморе про дюны к югу от Серебрянки разное говорят, что тут люди пропадают и появляются, а кто-то и вовсе зверя странного видал, каких в Цаде не бывает.

Он не врал, лишь чуточку приукрашивал реальные слухи. Ну а еще умалчивал – о «компасе».

Глава Ордена Взыскующих Истины смотрел на Олега, оттопырив нижнюю губу, и в светло-голубых глазах его не было вообще никакого выражения – словно два шарика из мрамора вставили в отверстия на лице и нарисовали на каждом радужку, зрачок и все прочее. Но тупым его взгляд нельзя было назвать, за ним ощущалась работа мысли – мощной, готовой сокрушить все на пути,

как движущийся ледник.

– Ну, что же, мы, в скудоумии своем, должны признать, что такое возможно, – проговорил Цагене после паузы. – Что же, Соловей, если ты примешь нас всем сердцем... Ничтожество наше всякому видно, сила же и мощь откроются только достойнейшему. Предашь – умрешь.

Это прозвучало не как угроза или обещание, а словно констатация факта. Вроде как «выпрыгнешь из самолета без парашюта – разобьешься».

Олег сглотнул еще раз, с трудом выдавил:

– Э... да... само собой.

Этот человек вызывал у него страх, желание как можно быстрее спрятаться или дать деру. Он выглядел хищником, змеей или крокодилом в облике хомо сапиенса, безжалостной тварью, способной принести в жертву тысячи или даже миллионы разумных существ ради собственной веры и высоких целей. Таким мог быть Торквемада, Лойола или святой Доминик.

– Можешь идти. – Цагене небрежно дернул рукой, изображая благословение.

Шагая прочь от молельни, Олег спиной ощущал его изучающий взгляд, понимал, что сейчас на него смотрят и могучий инквизитор, способный сломать шею ближнему своему одним небрежным движением, и отец Риччи с гаденькой улыбочкой на благообразной физиономии.

В столовой Олег постоял в очереди, взял жестяную миску, доверху наполненную супом вроде горохового. Прихватил с подноса кружку с компотом и опустился на свободное место рядом с Арамом. И обнаружил, что соседи по палатке обсуждают сегодняшний визит главы Ордена Взыскующих Истины.

– Каждый должен заучить его речь наизусть! – вещал сидевший напротив Дитрих, явно имея в виду Цагене. – Этот великий человек обязательно приведет нас к победе! Ясно и четко все объяснил...

– Но я вот не все уловил, – заявил малорослый чернявый парень, чьего имени Олег так и не запомнил – то ли Марсело, то ли Нарсело. – Зачем нам другие миры, вот скажи? Дома бы порядок навести, а то вон сколько неверующих, пока их всех обратишь, годы пройдут... Вот скажи, что...

– Не будь тупее Арама, – прервал его староста. – Ведь даже он все понял. Понял?

– Ого, как бы... конечно... надо всех плохих... научить истинной вере... – с напряжением в голосе ответил великан. – А кто не захочет... того надо будет... убить. Они – зло. И это будем делать не только у нас... но и в Чужемирье...

Ну да, этим учеником местные «педагоги» могут гордиться. Вряд ли он, откровенно говоря, способен исполнять роль миссионера, но зато вполне сгодится на роль боевика-фанатика – устроить взрыв, убить политика, что помешал чем-либо матери-церкви, отдать жизнь, даже не усомнившись, что поступает правильно, так как нужно.

После такого ответа разговор заглох, и обед заканчивали в молчании.

Затем все покатило по наезженной колее: практическая теология, где пришлось попотеть, рассказывая про Поганую Ересь, ее историю и отличительные признаки; ораторское искусство, на котором Олег оказался чуть ли не лучшим – еще бы, столько лет работы бизнес-тренером; теория взрывного дела, где пришлось признать, что он не знает вообще ничего, и смотреть, как другие работают над собственными бомбами.

С этого «конвейера» Олег соскочил только в сумерках, обнаружив себя в очереди к купальне.

А когда вышел, то снаружи его ждала Ингера, свежая и без малейших следов усталости, будто это не она целый день вместе с остальными бегала, стреляла, дискутировала и слушала.

– Привет, друг, – сказала она. – Прогуляемся вдоль речки?

– А нас не остановят? – Олег с трудом подавил желание оглянуться. Вдруг кто-то прямо сейчас наблюдает за ними?

– Но мы же не бежать собираемся. Ведь так? Пошли, и не напрягайся ты так. – Изящным, таким женским движением она взяла его под руку, и Соловьев попытался вспомнить, когда последний раз так вот прохаживался с девушкой – два, четыре года назад, больше? – У нас свободное время, и мы можем проводить его как угодно, не нарушая правил внутреннего распорядка.

– А мы точно не нарушаем? Я все так и не запомнил.

– Думаю, что и Дитрих тоже. – Ингера хихикнула. – Как тебе наш большой босс?

– Впечатляюще...

– И теперь ты понимаешь, что отсюда надо бежать, и как можно скорее, пока это не зашло слишком далеко? – Она остановилась и взглянула на Олега в упор, синие глаза оказались очень, очень серьезными.

– Что ты имеешь в виду?

– Не задавай idiotских вопросов, ты вовсе не дурачок из провинции и не фанатик-богомолец из столицы, которому Доктрина Цада заменяет не только мозг, но и совесть и знания!

– Слышал бы нас сейчас отец Риччи... – процедил Олег.

Ингера вырвала руку, повернулась к нему, уперла кулаки в бока:

– Ты все еще думаешь, что это он меня к тебе подослал? Если так, то ты idiot! Завтра день исповеди, и ты, друг, не представляешь, что это такое! Из тебя вытянут все! Сегодняшний наш разговор, вчерашний... И тогда мне скорее всего крышка, поскольку таких, как я, тут двенадцать на дюжину, а вот тебя, проводника, ценный человеческий материал, начнут обрабатывать всерьез!

Про обязательную исповедь Олег, честно говоря, забыл.

– Круглосуточный надзор, чтобы не удрал, постоянное давление, чтобы разбить твой рассудок и выстроить его по новым лекалам... Ты думаешь, ты крутой, ты устоишь? И зря, я видела, как ломали более сильных. – Девушка заговорила

спокойнее, но в голосе ее все равно звучали мольба и страсть. – А потом они повяжут тебя кровью. Как?.. Заставят убить «врага веры» и зафиксируют это так, чтобы тебя можно было шантажировать.

Олега передернуло, хотел возразить, что ни кино, ни фото в Центруме невозможно – любая пленка разложится в течение нескольких часов; но вовремя остановил себя.

– Запросто... – произнес он. – Это они могут, фанатики везде и всегда одинаковы. Но ты помнишь, что я не могу уйти отсюда просто так?

– Да. – Ингера нетерпеливо махнула рукой. – Я выяснила, где хранят наши вещи. Так что если ты готов, то сегодня...

– Да.

Над ответом не размышлял ни мгновения – хватит с него отца Риччи и прочих «батюшек», фанатичных и кровожадных, хватит столь экстремального развлечения, как учебный лагерь, очередной экспонат добавлен в коллекцию с пометкой «повторный визит исключен», и можно возвращаться, для начала в Центрум, а затем и домой, на Землю.

– Тогда постарайся не уснуть, друг. – Девушка улыбнулась хищно, как тигрица. – Полночь – вот час для нашего дела, вскоре после того как закончатся учебные стрельбы. Услышишь, как я выйду из палатки, выжди и следуй за мной...

Понятное дело, ночью может приспичить кому угодно, и двоим одновременно.

– Встретимся у столовой, – добавила Ингера. – Справишься?

– Уж как-нибудь, – пробормотал Олег, после чего его снова взяли под руку и повели обратно к купальням: если сумел бы забыть, что предстоит сегодня ночью, то от такой прогулки мог бы и получить удовольствие – красивая женщина рядом, улыбка, от которой вздрагивает сердце, блики в светлых волосах. Но он был как на иголках и облегченно вздохнул, когда они расстались.

Остаток вечера Олег провел за Доктриной Цада – маскируясь и просто убивая время, не особенно пытаясь вникнуть в слова Книги Грехопадения, описывающей те события, после которых жители Центрума утратили способность путешествовать между мирами.

Дитрих погасил фонарь, в палатке воцарился полумрак. Кто-то из девчонок тоненько засвистел носом, мощно всхрапнул Арам, раз, другой... Издалека прикатился залп, второй, третий – для тех, кто на ночных стрельбах, отбой куда позже, а вот подъем на следующий день наравне с остальными, никаких поблажек.

Хорошо еще, что Олег не застанет дня, когда их палатка окажется дежурной. Судя по рассказам – то еще удовольствие...

Спать хотелось зверски, усталость буквально вдавливала в матрас, глаза закрывались сами. Приходилось их тереть, да еще и щипать себя, выбирая наиболее чувствительные места, и все это как можно тише, чтобы соседи преспокойно отошли в объятия Морфея.

В один момент Олег не выдержал, задремал и тут же пробудился от испуга, что все проспал. Торопливо повернул голову – нет, соседняя койка не пуста, Ингера на месте, остальные же, похоже, дрыхнут без задних ног.

В этот же самый момент девушка откинула одеяло, поднялась. Двигалась она настолько бесшумно, что, смотри он сейчас в другую сторону, ничего бы не услышал.

Через мгновение Ингера сгнула, точно привидение, оставив аккуратно застеленную койку. Олег остался лежать, понимая, что следующий шаг за ним, и нервничая больше и больше.

Да, за годы странствий в Центрум и другие миры было всякое, но такого – никогда...

Наконец он решил, что прошло достаточно времени, и осторожно спустил ноги на пол. Натянул штаны, кучу времени, как самому показалось, затратил на поиск собственных ботинок, да еще и нашумел при этом.

Когда двинулся к выходу, был готов, что в спину прозвучит вопрос «Ты куда?». Но обошлось, никто вроде бы не проснулся...

Снаружи было прохладно, газовый гигант висел в небе, в его тусклом свете палатки казались белыми, словно их припорошили пылью. Царила тишина, шептала вдалеке река, но вот ветер молчал, и не шевелились ветки нависавшего над котловиной леса.

Подойдя к столовой, в первый момент никого не увидел, и в душе вскипел страх – неужели Ингера предала или ее схватили, пытками вынудили все рассказать, и сейчас ждут его?

Но с одной из лавок поднялась стройная тень.

– Отлично, ты вовремя, – шепнула она голосом Ингеры. – Никто тебя не засек?

– Вроде бы никто... – без особой уверенности ответил Олег.

– Тогда следуй за мной.

Она скользила по лагерю беззвучно и быстро, словно и в самом деле была тенью, порождением сна... Олегу казалось, что все это нереально, что он внутри затянувшегося кошмара, что еще немного – и он проснется...

Они миновали тот склад, куда днем перетаскивали ящики с бочками, а затем Ингера свернула в проход меж двух палаток. Стенки из плотного брезента оказались с двух сторон, и тут под ногой Соловьева что-то противно хрустнуло.

– Тише, – шепнула она, повернувшись. – Нам вот сюда... нож я прихватила.

Ну да, куда легче проникнуть на склад через вход, но тот хорошо виден со всех сторон, и копошение около него заметит любой патруль из тех, что ночью ходят по лагерю и вокруг него... А здесь беглецов можно обнаружить только специально, забравшись в узкий и темный проход.

В руке Ингеры блеснуло лезвие совсем не кухонного ножа, она примерилась и сделала длинный взмах. Брезент разошелся с протяжным хрустом, обнажив

темные, пахнувшие пылью и грязным бельем внутренности.

- Давай, я снаружи останусь, - сказала девушка.

Эх, вот фонарик сейчас пригодился бы, но где его взять в этом мире?

Олег пролез в дыру, несколько мгновений потратил на то, чтобы осмотреться - ящики и еще раз ящики, выстроенные неаккуратными штабелями, но все без крышек, и в каждом громоздится всякое барахло, сбитая в комья одежда, вещевые мешки, сапоги и ботинки, шкатулки и коробки. В этой куче хлама можно рыться месяц. И где тут искать «компас»?

Хотя нет, новичка оставили без личных вещей последним, а это значит, что они должны лежать сверху и близко к выходу.

- Запросто, - прошептал Олег, подбадривая себя.

Так, первый ящик, но из него торчат голенища заношенных говнодавов... Не то. Второй, забитый под завязку чем-то вроде нижнего женского белья... Снова не годится... Третий... Так, а это, кажется, очень знакомый рюкзак.

И в этот момент снаружи донеслись шаги, негромкие, уверенные. Легкий шорох возвестил, что Ингера забралась в палатку.

- Патруль, - сообщила она. - Сидим тихо, и если нам повезет, то дыру не заметят.

Шаги приблизились и смолкли.

- Что там? - спросил кто-то негромко.

- Непорядок, вроде бы что-то к стенке прилипло... - ответили ему знакомым басистым голосом: Анчело, тот самый, что два дня назад схватил в лесу одного любопытного коллекционера.

Олег торопливо зашарил по карманам рюкзака - если он прямо сейчас отыщет «компас», то пусть даже беглецов обнаружат, это ничего не изменит, «дырку»

он сумеет открыть прямо отсюда.

- Слышь, шуршат? – буркнул первый из патрульных. – Зверь, что ли, какой?

- Да тут не продукты, – отозвался Анчело.

Ингера оказалась рядом, продемонстрировала Олегу кулак, а затем умоляюще приложила палец к губам – жест этот универсальный, везде и всюду, где живут люди, он обозначает одно и то же. Но он только рукой махнул... главное – «компас»... Где же он, где?

Вещи лежали на своих местах, даже заработанные в Лирморе деньги, но вот прибора не было!

- Эх, да тут дыра! – воскликнул Анчело. – Кто-то ножом орудовал! Проклятье!

- Что ты делаешь, идиот? – Горячее дыхание Ингеры обдало ухо Олегу, сильные пальцы ухватили за запястье.

- Не мешай, – буркнул он. – Сейчас я найду... его, и мы уберемся отсюда.

Полез под рюкзак – может быть, прибор выпал и преспокойно лежит на дне ящика?

- Эй, кто тут? – Анчело заглянул внутрь, блеснул ствол автомата в его руках.

Девушка сделала резкое движение, будто стряхивая что-то с ладони, раздался глухой удар. Патрульный всхлипнул, завалился назад, хватаясь за рукоять торчавшего из груди ножа.

- Что с тобой? Что? – истерично завопил его напарник.

- Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, друг... – прошипела Ингера, и в голосе ее прозвучала ярость.

А Олега словно под дых ударили – «компаса» не было ни в рюкзаке, ни в ящике, так что прибор скорее всего забрал кто-то не жадный, не позарившийся на деньги, но при этом любопытный. Что же делать? Что?

– Помилуй, Владыка! – воскликнул тем временем второй патрульный. – Вот гады! Тревога! Тревога!

Последние два слова он проорал в полный голос.

Олег трясущимися руками снова полез в рюкзак – нет, не может быть, он просто не сделал все как надо, вот сейчас под пальцами окажется гладкая, отполированная касаниями крышка шкатулки!

Снаружи клацнуло, Ингера метнулась в сторону, распростерлась по полу.

В ночной тишине грохот автомата прозвучал оглушающе, затрещал разрываемый пулями брезент. Олега словно ужалило в бедро, что-то теплое заструилось по колену, нога подогнулась, и он сообразил, что лежит.

– Ты цел?! – крикнула девушка, перекрывая грохот выстрелов.

«В меня попали...» – эта мысль вышла на удивление спокойной, будто это не в плоть Олега вонзилась пуля, и не из раны в его теле сейчас хлестала кровь, и не его мускулы дергало болью. Болью, да!

– Не совсем... – отозвался он и сосредоточился, как всегда делал, открывая «дырку».

Автомат затих – похоже, что опустела обойма, и патрульный собрался ее поменять. Издалека донеслись встревоженные крики и топот – кто-то мчался на помощь Анчело и его приятелю.

– Иди... сюда... – сказал Олег, и тут по глазам ударило радужное сияние.

Ингера восхищенно ахнула. «Дырка» открылась прямо на ящиках, разрубила один из них пополам, так что барахло посыпалось на пол.

– Быстрее... ты первая... – В голове начинало мутиться, боль в ноге усиливалась, а посмотреть на собственное бедро Олег боялся.

Девушка замерла в нерешительности, но лишь на мгновение, затем прыгнула вперед и сгнула в радужном сиянии. Он хоть с трудом, но поднялся, оглянулся в ту сторону, где за тонкой брезентовой стенкой перекрикивались патрульные и клацали затворы. И скорее даже не шагнул, а упал в «дырку».

Рухнул плашмя на песок, ободрал руки, сухие песчинки угодили в глаза, набились в ноздри.

– Ты ранен? Куда? – тут же затормошила Олега Ингера, перевернула на спину.

– Бедро... – прохрипел он.

Он хоть и не медик, но все же в курсе, что если перебило бедренную артерию, то нужно как можно быстрее наложить жгут, иначе сдохнешь не от шока и не от самой раны, а от потери крови...

Его трясло, почти ничего не видел, чувствовал, как его ощупывают. Когда рука Ингеры задела то место, куда угодила пуля, он не выдержал и застонал.

– Ничего, сейчас я тебя перевяжу... – Затрещала ткань, потом еще раз, уже громче. – Ты меня вытащил, друг, и я тебя вытащу...

Накатила очередная волна дрожи, куда более сильная, чем предыдущие, и зубы Олега залязгали. Открыл рот, пытаюсь сказать, что не нужно, что он сейчас откроет новую «дырку», на этот раз в свой мир, на Землю, прямоком в собственную квартиру, что там они будут в безопасности. Но язык не послушался, из горла вырвался лишь судорожный всхлип.

Затем он вспомнил, что да, на родину может вернуться, но окажется при этом на вершине заросшего березами холма, и что оттуда до квартиры еще ехать на электричке, а потом на метро...

Ингера вроде бы что-то говорила, но он не понимал, даже слов не различал.

Представил себя с забинтованной ногой и костылем и ее рядом, и они в таком виде входят в вагон, и это показалось до ужаса, до колотья в боку потешным, но смех выпил из тела последние силы, и Олег провалился во тьму.

Когда выплыл из нее, не сразу осознал, где именно находится...

С одной стороны море, серое и ленивое, с другой тянется гряда дюн, над тем и другим плывут клочья тумана. Видно не дальше чем на десять метров, от тишины звенит в ушах, и никого, ни единого живого существа рядом.

Подняв голову, обнаружил, что левое бедро у него забинтовано – крепко и умело.

И тут воспоминания хлынули потоком – ночь в учебном лагере, их попытка добыть «компас», выстрелы, рванувшая ногу боль и побег через «дырку», склонившаяся над ним Ингера...

Куда она делась, интересно? Перевязала, а затем бросила? Не может такого быть... Хотя что он на самом деле знает об этой девушке?

Одно хорошо – он в Центруме, а значит, в любой момент сможет вернуться домой, хоть прямо сейчас... Бросить ее, как бросила она его, и навсегда забыть об этой взбалмошной уроженке Сургана...

Слабость вынудила Олега уронить голову обратно на песок, он облизнул пересохшие губы, подумал о том, что сейчас отдал бы все, заплатил бы любые деньги за глоток воды! Нет, сил пока мало, надо подождать, отдохнуть и только затем рвать когти из этого мира.

Услышав протяжный, раскатистый скрип, в первый момент решил, что тот ему мерещится.

– Вот сюда, немного осталось, – донесся из тумана знакомый голос, и Олег встрепенулся. Ингера? Не бросила его?

В ложбинке между двух дюн из марева выступили две фигуры, одна повыше, другая пониже, и вторая толкала перед собой тележку, чьи колеса и издавали

мерзкий скрип.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Привет, Мануэль! Как дела? (исп.)

2

Привет, гринго. Очень хорошо. Это снова ты? И опять пьяный? (исп.)

3

Ты немец? (нем.)

4

Так точно! (нем.)

5

У меня есть стол... Стол большой... (ломан. англ.)

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/kazakov_dmitriy/kollekcioner

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)